

A muscular man with a beard and short hair is shown from the chest up. He is wearing a white, long-sleeved button-down shirt that is unbuttoned at the top, revealing his bare torso. He is also wearing a black leather watch on his left wrist and a black belt. He is looking slightly to the right of the camera. The background is a dark blue, futuristic, and somewhat abstract environment with glowing elements and a starry sky.

НАТАЛЬЯ
РУЧЕЙ

ТВОЕ
ЖЕЛАНИЕ
ФРОЛ

Наталья Ручей
Твое желание. Фрол

«Автор»

2020

Ручей Н.

Твое желание. Фрол / Н. Ручей — «Автор», 2020

Поцеловаться в ночном клубе с незнакомцем? Вполне допустимо для девушки, которую бросил любимый, и утром о поцелуе уже можно забыть. Вот только занесло меня ночью в гей-клуб, а незнакомцем оказался... мой новый босс.

Содержание

Глава № 1	6
Глава № 2	11
Глава № 3	15
Глава № 4	19
Глава № 5	23
Глава № 6	28
Глава № 7	32
Глава № 8	37
Глава № 9	42
Глава № 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталья Ручей

Твое желание. Фрол

Наталья Ручей

* * *

Глава № 1

Какое-то время я сомневаюсь: случившееся сегодня – повод для грусти или для праздника? Но гололед и порыв осеннего ветра буквально вкатывают меня на ступени магазина.

А вот то, что помимо всего остального я покупаю пирог с маком, торт и бутылку хорошего красного вина – уже исключительно мой выбор. Наверное, чувство вины все-таки подавляется отголосками тихой радости, что и эта агония наконец-то закончилась.

Из магазина качусь осторожно, стараясь не добавить работы травматологам, которые и без меня наверняка зашиваются. Как обычно в нашей стране, никто не подозревал, что в ноябре может ухудшиться погода, и в итоге многие сегодня пытались преодолеть погодный коллапс на летней резине и в обуви, не предназначенной для экстремальных передвижений.

Мои осенние ботинки на каблучке тоже не верх удобства, но, слава Богу, идти (а скорее, ехать) недолго. Всего минут через пять я уже облегченно перевожу дух в подъезде, а потом легко поднимаюсь на третий этаж.

– Привет, милая, – бабушка открывает дверь после первого же звонка, позволяет себя обнять и тут же приосанивается, отстраняясь. – Проходи.

Пока я переобуваюсь в тапочки и снимаю дубленку, она смотрится в зеркало и чуть подкрашивает губы помадой. Несмотря на преклонный возраст, она стройная, как и в юности, и все так же любит следить за собой. На ней белый брючный костюм, как будто в гости она ждала не меня, а кавалера, аккуратный макияж, а белоснежные волосы уложены в высокую прическу.

Я заносу покупки на кухню, и пока разбираю их, бабушка включает чайник, ставит чашки, а потом замечает торт и бутылку вина, и меняет чашки на бокалы. Я стою к ней спиной, но чувствую ее взгляд, и мысленно считаю секунды, пока она догадается. Никакого праздника нет, логика бабушки сбоев никогда не давала, так что...

– Это какой по счету, Оль? – участливо спрашивает она спустя всего тридцать секунд. – Кажется, пятый?

– Не преувеличивай степень моего демонизма, – усмехаюсь. – Пока только четвертый.

Бабуля покладисто кивает, принимает бокал вина и делает глоток, пока я организовываю нам нарезки и разрезаю торт. Увидев, что она сильно переживает, склоняюсь к ней, обнимаю и пытаюсь утешить.

– Ба, не волнуйся, ну с кем не бывает... подумаешь, уволили, – бормочу я, старательно пряча вздох. – Не только меня ведь, просто фирма закрывается. Кризис.

– Кризис, – повторяет глухо она, и вздыхает вместо меня. – Но, Оля, этот кризис случается уже четыре раза подряд.

– С учетом, что он настигает меня примерно раз в году, получается не так часто, – пытаюсь ее приободрить.

Бабуля кивает, временно отпуская болезненную тему, но я вижу, как она невольно хмурит седые брови. Ее не утешает даже любимое вино и торт, который она из-за фигуры позволяет себе очень редко. Она старается взять эмоции под контроль и вздыхает украдкой, пока я в который раз борюсь с двойственными впечатлениями. С одной стороны, когда четыре раза подряд фирмы, в которых работаешь, закрываются – это повод для печали или хотя бы разочарования. С другой – когда работа не любимая, это как возможность глотнуть свежего воздуха в затхлом помещении.

До момента, когда придется устраиваться в другую компанию. Но на прежнюю должность. Потому что ничего другого я не умею, а быть на содержании у родителей в двадцать семь лет совесть не позволяет.

Бабуля мужественно держится почти полчаса, пока мы сидим за столом, но стоит переместиться в гостиную, она бросает задумчивый взгляд на стену с фотографиями в рамках и говорит коронную фразу:

– Вот если бы ты не бросила балетную школу...

Эта фраза неизменна, и звучит в моменты сильного разочарования мной. Она звучала, когда по настоянию родителей я выбрала факультет «бухучет и аудит», и меня едва не выгнали с первого курса за неуспеваемость. Она звучала, когда я окончила универ с красным дипломом, но слишком долго по мнению родных искала первую работу. Так долго, что им пришлось вмешаться и устроить меня к своим знакомым.

И эта же фраза звучала, когда мы разошлись с моим первым парнем, на которого у родни было матримониальные планы. И ее же я слышала, когда Толик, которого бабуля терпеть не могла, меня бросил. Хотя понятия не имею, как могла бы помочь карьера балерины тому, чтобы один мужчина, клявшийся в любви, не тащил в нашу постель первую встречную, а второй выбрал отношения со мной, а не кругосветное путешествие.

И да, эта фраза звучала всякий раз, когда меня увольняли в связи с закрытием фирмы.

Иными словами, я слышу ее слишком часто, чтобы реагировать так же болезненно, как раньше.

– Ну вот что, – бабуля отставляет бокал и грациозно поднимается из кресла, наградив меня лучезарной улыбкой. – Есть у меня один давний знакомый... у него, помнится, есть одна фирма...

– Ба! – пытаюсь остановить ее я.

– Сейчас я ему позвоню и узнаю, не нужен ли ему случайно главный бухгалтер, – бабуля решительным шагом направляется в комнату.

Остановить ее на пути принятого решения не смог бы никто, так что единственное, что мне под силу – это предупредить.

– Ба, – успеваю выкрикнуть до того, как в комнату закрывается дверь, – если этот знакомый для тебя хоть что-нибудь значит, и ты не хочешь, чтобы вскорости он лишился своего бизнеса, спроси его о вакантной должности простого бухгалтера, а не главного. С главным почему-то примета плохая!

Бабуля негромко ведет переговоры, и мне остается надеяться на интуицию ее знакомого. Если у человека хорошо поставлен бизнес, должна же она у него быть? Хотя других подвела...

Нервничая, я топчусь по гостиной и приближаюсь к фотографиям, которыми бабуля гордится настолько, что вывесила на обозрение. Здесь и мой папа с крупным уловом, и мама с двумя младенцами на руках, и бабулины снимки в хореографическом классе, где она долго преподавала. Есть и мой снимок, с которого, несмотря на десятилетний возраст беззаботного детства, взирает угрюмая темноволосая девочка в белоснежной балетной пачке.

Даже не верится, что тогда у меня хватило характера отстоять свое нежелание заниматься в балетной школе, несмотря на уверения педагогов, что у меня предрасположенность и задатки таланта. А еще больше не верится, что родители и бабуля смирились с моим решением, потому что в дальнейшем они принимали их за меня.

Наверное, опасались, что ребенок из-за глупых увлечений загубит в себе еще какие-либо способности.

И я все время старалась оправдать их надежды, словно расплачивалась за эту вольность. Окончание школы без низких оценок, поступление на бюджет, специальность, которую одобрили на семейном совете, прощение первого парня, который просто поцеловался с моей подругой. Просто поцелуй – это же не считается!

Второй раз я отстояла свою позицию, когда эти поцелуи перешли в горизонтальную плоскость, и, застав бывшего любимого и подругу на моей подушке, отказалась прощать их обоих. Ну и когда стала встречаться с Толиком. Его увлечение байками не нравилось никому, а мне...

Пожалуй, больше всего мне нравилась в нем именно свобода и то, что он жил без границ, ни на кого не оглядываясь. Правда, в итоге он и променял меня на свободу, укатив месяц назад со своим другом-байкером в кругосветное путешествие.

– Не жди меня, солнце, – сказал он мне на прощанье, – хотя я буду немного скучать...

– И не собиралась, – ответила я, стараясь не выдать своего разбитого состояния даже взглядом, – у одного байкера это заняло почти десять лет. К твоему возвращению у меня уже будут муж и минимум двое детей.

Недоверчивая усмешка Толика часто стоит у меня перед глазами. И, по-моему, он скучает куда сильнее, чем ожидал, потому что пару раз в неделю присылает на мой телефон фотографии из тех мест, которые пересекает. Присылает их, несмотря на то, что я не отвечаю, не комментирую, и делаю вид, что уже вычеркнула его из своей жизни, как обещала.

– Оля, с тебя фуэте! – сообщает мне бодро бабуля по возвращении. – В понедельник тебя уже ждут на работе!

Я тихонько вздыхаю, сочувствуя и себе, и еще одному руководителю без толики интуиции. На месте конкурентов я бы не давила ценой, не пыталась переманить клиентов, я бы просто забрасывала себя в тыл к врагу. Интересно, как долго продержится эта фирма?

– Все как ты и хотела: бухгалтер по первичной документации, – светится счастьем бабуля, и не дав ни единого шанса для грусти, торжественно добавляет: – И еще: оклад в три раза превышает тот, что тебе платили на должности главного бухгалтера!

Прихожу к выводу, что, по крайней мере, на данном этапе компания понятия не имеет о кризисе, и немного успокаиваюсь. Но по мере того, как бабуля продолжает в живописных красках расписывать чудесные перспективы, которые ждут и компанию, и меня, причем так увлекается, что даже мечтательно зажмуривается и едва сама не делает фуэте, начинаю предполагать какой-то подвох.

Или бабуля не против, чтобы благодаря мне они обрели эти новые знания, или...

А вот что «или»?

Ладно, посмотрим. Какое-то время без потрясений у нас все-таки есть.

– Спасибо, бабуль, – взглянув на часы, поднимаюсь и целую ее, чем немного привожу в чувство. – Пойду домой, а то устала после работы. Пока всех рассчитала, в том числе и себя...

– А пирог? – вспоминает она.

– Угостишь Матильду Петровну.

Пока я одеваюсь в коридоре, бабуля успеваешь созвониться с соседкой, разведать изменение погодных условий за окнами, и выходит провожать меня с широкополой красной шляпой в руке, которую использует вместо шапок и тем боле вместо зонта.

– Надень, пожалуйста, – протягивает ее с таким видом, будто отрывает от сердца и делает грациозный взмах, когда я пытаюсь оставить эту дорогую вещь у хозяйки. – Продукты у меня есть, выходить я сегодня и завтра не собираюсь. А ты мне ее на днях занесешь.

Мы обе знаем, что надевать я ее не буду, но расстраивать бабулю не хочется: еще подумает, что я не хочу к ней прийти лишний раз. Так что из квартиры я выхожу со шляпой в руках, а в дверях встречаюсь с соседкой, которая уже торопится обсудить с моей бабушкой последние новости под чай с пирогом.

– Как там мой Витька? – интересуется Матильда Петровна. – Стоит приглашать его на ночевку?

– Тихо пока, – усмехаюсь я.

Она довольно улыбается и скрывается за дверью, через которую я только что вышла.

Откровенно говоря, ее радость разделяет весь наш район: внук Матильды Петровны еще с подросткового возраста получил звание главного хулигана, и к семнадцати годам не спешит от него отречься. Ни уговоры, ни полиция, ни разговоры с родителями – ничего не дает хоть каких-либо результатов. А вот одна ночь в компании собственной бабушки обычно заставляет его притихнуть.

Уж не знаю, что она с ним там делает, но эффект обычно длится недели две или три. И судя по тому, что в последнее время жалоб от соседей не было слышно, последняя «прививка адекватности» все еще актуальна.

Впрочем, через пятнадцать минут, когда я захожу в наш двор, мгновенно меняю свое мнение.

Под тусклым светом фонарей стоит группа подростков – человек пять или шесть, и отвешивает сальные шуточки высокой девушке, которую они взяли в кольцо. Наверное, бедняжка томится в этой компании уже давно, потому что не пытается ни огрызаться, ни вырваться, только усиленно придержит на голове широкополую шляпу и пытается прикрыть ею лицо, что еще больше заводит ребят.

– Эй, красавица, – кудахчет один из них, – открой личико, может, я и женюсь.

Девушка лишь нервно поправляет шляпу и отмалчивается.

– Или я! – гогочет Витька, которого я узнала еще издали по манере сутулиться из-за высокого роста.

Несмотря на усталость и желание поскорее оказаться дома, иду в сторону ребят. И пока приближаюсь, понимаю, почему они загнали жертву именно на этот участок: здесь невероятно скользко, а у нее на ногах сапоги на куда более высоком и тонком каблуке, чем у меня.

– Здравствуй, Витя, – приветствую спину, облаченную в темную куртку.

Гогот мгновенно стихает. Витька разворачивается ко мне, словно не веря, что ему не послышалось. А девушка бросает изумленный взгляд на шляпу в моих руках и начинает подавать знаки, чтобы я уходила. Понятно, к жертве их привлекла именно нелепая шляпа, и незнакомка опасается, что меня тоже возьмут в оборот.

– Еще одна Красная Шапочка! – пышет перегаром один из ребят, подтверждая мою догадку.

Судя по всему, он из другого двора, потому что раньше я его точно не видела.

– Новый год еще не наступил, а уже столько подарков! – скалится он. – Ну что, Красная Шапочка, как тебе такие серые волки?

Он делает шаг вперед, пытаюсь приблизиться ко мне, несмотря на шиканье своих приятелей, которые тоже меня узнали. Не торопясь, открывает молнию на куртке, распахивает ее, показывая, что он горячий парень, и рубашка у него тоже почти нараспашку, и с издевательской улыбкой от уха до уха громко клацает зубами.

– Повышенная волосатость и кариес не в моем вкусе, – осмотрев его, отвечаю я, и пока он подбирает челюсть, перевожу взгляд на Витьку. – Только что виделась с твоей бабушкой. Она передавала тебе привет и интересовалась: не хочешь ли ты ее навестить?

– Эй, Шапка! – приходит в себя этот названный братец, порывается подойти ко мне ближе, но Витька останавливает его хмурым взглядом.

– Привет бабушке передай, – ворчит он. – С визитами я пока завязал.

– Через пару дней буду там – обязательно передам, – покладисто соглашаюсь я.

Вздыхнув, Витька переводит взгляд на девушку в шляпе, потом укоризненно смотрит на меня, мол, развлечение отобрала, делает жест рукой и уводит за собой свою «стаю».

Девушка не торопится уйти, стоит в прежней позе, как будто примерзла каблуками ко льду, молча рассматривает меня из-под шляпы, а потом, когда я уже собираюсь уходить, тихонько выдавливает сиплым голосом:

– Спасибо.

– С такой простудой вам бы к шляпе шарфик не помешал, – машинально говорю я.

И только теперь, присмотревшись к незнакомке, понимаю, что ей бы не помешала глобальная смена гардероба. Мало того, что желтая безразмерная куртка больше напоминает форму какого-то работника железной дороги и не сочетается с длинной юбкой редкого оттенка салатого, в этих вещах просто холодно! Шея открыта, на юбке такой разрез, что...

– Ой, – я с ужасом замечаю, что при малейшем движении девушки разрез на юбке просто растет на глазах, и скоро разделит изделие на две половинки. – Ваш дом далеко?

Девушка бросает взгляд вниз, замечает проблему и со стоном натягивает шляпу себе на глаза.

– Далеко? – повторяю я.

Девушка тяжело вздыхает, и тем самым подталкивает меня сделать хоть одно доброе дело в этом году. Конечно, в сравнении с двадцатью трудовыми, в которые я сегодня вписала причину увольнения, это ничто, и все же...

А вдруг это переломный момент, и я теперь начну приносить удачу?

– Пойдемте ко мне, – воодушевившись этими мыслями, я практически тяну обездвиженную девушку за собой, – я быстро зашью вашу юбку.

Девушка пытается упираться, но ее каблуки скользят безбожно, юбка трещит все сильнее, и вскоре мы все-таки оказываемся у моего подъезда.

– Все будет в лучшем виде, – уверяю я притихшую девушку.

Свет над козырьком очень тусклый, и я, чертыхаясь, с трудом нахожу в сумочке ключи. Стоит приложить брелок к домофону, как мимо меня тянется рука незнакомки и галантно открывает передо мной дверь.

– Спасибо, – оборачиваюсь я с улыбкой.

И ту же лишаюсь ее, понимая одновременно две вещи.

Первое – свет над козырьком подъезда не такой уж и тусклый. И второе – из-под красной шляпы на меня сейчас внимательно смотрит не девушка, а мужчина.

Глава № 2

Впрочем, несмотря на неожиданное открытие, испугаться не получается: на вид молодому человеку лет двадцать, может, чуть больше, глаза озорные, замершие в ожидании моего крика, а улыбка, с которой он тщетно борется, невероятно располагает к себе.

– Ладно, – задумчиво бормочу я, внимательно осмотрев его и не ощутив ни капли угрозы, – доброе дело так доброе дело.

Я захожу в подъезд и выжидающе оборачиваюсь.

– Серьезно? – тушуетса он, потом со вздохом осматривает свою одежду, снимает шляпу, взъерошивает свои светлые волосы и заходит следом за мной.

Кстати, только теперь я замечаю, что на каблуках он передвигается с трудом, у него то и дело подгибаются колени и выворачиваются ноги, и скорее всего, то, что он по льду преодолел такое большое расстояние без переломов – исключительно моя заслуга. Может, он только начал, только признался себе в своих предпочтениях? Не знаю, но расспрашивать как-то неудобно.

Чтобы не травмировать его ненароком, на второй этаж поднимаемся на лифте. У двери повторяется та же картина – едва я открываю замок, он галантно распахивает передо мной дверь. Щелкнув выключателем в прихожей, я пытаюсь понять, что за странный звук только что прозвучал в моей квартире, но прихожу к выводу, что нет, скорее всего, показалось.

– Заходи, – приглашаю гостя.

Парень уже почти делает шаг, но тоже, видимо, слышит невнятный звук, потому что настороженно застывает на пороге. А потом звуки становятся отчетливой, громче и переходят в знакомую тональность, и мой гость отшатывается, а я тяжело вздыхаю.

Ну что сказать?

Определенно, громкие женские стоны – это не то, что хочется услышать, возвращаясь к себе домой. Особенно, когда живешь одна, и совершенно точно знаешь, что соседи через стенку уехали на дачу.

Но однообразные звуки восторга с просьбами: «Еще!» и «Быстрее!», а так же «Да, детка, да!» не оставляли шансов на слуховые галлюцинации. Да и свет, который я включила в коридоре, отчетливо показал следы страсти, ведущие в комнату – брошенная на пол зеленая кофточка, чуть дальше кожаная юбка и еще дальше – черная туфелька, стыдливо прикрытая мужской рубашкой.

Но у меня хотя бы есть подозреваемый и иммунитет к подобным ситуациям, а мой новый знакомый так и стоит в проеме двери с широко распахнутыми глазами. Едва я к нему поворачиваюсь, чтобы успокоить, что в квартире две комнаты, и мы никому не помешаем, как он поспешно выпаливает:

– Я против коллективного обмена опытом! Только за частные уроки!

– Да! Да-а-а! – вторит ему женский голос из комнаты.

– Даю слово, что никто на тебя покушаться не будет, – усмехаюсь я, но парень медлит, из подъезда в квартиру тянет холодный воздух, и я принимаю другое решение, чтобы ускорить доброе дело и устроить кому-то разнос. – Может, тебе просто дать во что-то переодеться?

– Идея! – соглашается парень, придя в себя и сообразив, что никто за ним не выбегает, никто в комнату не тянет, присоединиться не спрашивает. – И телефон, если можно! Эх... надо сделать один звонок...

Телефон я решаю выдать, когда вернусь, а то ходит на каблуках он, конечно, неважно, но мало ли как его может вдохновить раритетная техника. Первым делом я прохожу в квартиру и закрываю дверь в комнату – потом разберемся, а пока не хочу оглохнуть от навязчивого музы-

кального сопровождения. Вернувшись, распаиваю встроенный в коридоре шкаф и осматриваю гардероб на предмет того, с чем не жалко проститься.

– Юбка, платье или сарафан? – озвучиваю я варианты.

– А брюки есть? – раздается рядом со мной.

Обернувшись, вижу, что парень не только решился войти, но и двери прикрыл, и теперь с надеждой присматривается к мужскому, довольно скудному гардеробу, занимающему всего одну полку. Не думаю, что хозяин этих вещей расстроится, так как он лично не раз просил меня их выбросить, но я все же оставила на случай его внезапных визитов. Так что без зазрения совести выделяю гостю спортивные штаны, которые по росту и размеру ему должны подойти, футболку, которую он решил надеть вместо кофточки, и толстовку, которую он предпочел вместо своей куртки.

– Для полной смены гардероба? – ставлю перед ним старенькие мужские кроссовки.

И, к моему удивлению, он соглашается на них с благодарной улыбкой. Он скрывается в ванной с вещами, а вскоре без страха проходит на кухню, где я варю кофе, и предстает передо мной обычным парнем, без стилия, конечно, но и без намека на нетрадиционную ориентацию.

– Звони, если хочешь, – киваю на свой телефон, который оставила на столе.

Видя с каким наслаждением он втягивает в себя аромат кофе, наливаю и для него. Он благодарит меня лучезарной улыбкой, делает глоток, решительно выдыхает, как перед прыжком в воду, и набирает чей-то номер.

– Слушай, тут такое дело... – он кривится, как от лимона, делает еще один глоток кофе и озвучивает просьбу. – Ты можешь за мной приехать?.. Да я без денег, кредиток и телефона... Да вот так – как-как? Можешь или мне пешком добираться?.. Ага, ок, ша...

Поймав его вопросительный взгляд, не сразу понимаю, чего от меня хотят – не может же он не знать, где прогуливался и куда шел? Но мало ли, стресс. Так что я называю адрес, и парень повторяет его в телефон.

– Эх... – вздыхает он, отключив связь и берясь за кофе всерьез. – Сейчас за мной приедет моя строгая, нудная, побитая жизнью, но любимая половина!

Я молчу. А что сказать, если я по одежде уже поняла, что у парня со вкусом неважно.

И, кажется, его давно никто не кормил, потому что взгляд на холодильник, пока я ищу сливки, как у кота, трагически пережившего неделю без сметаны.

Достаю колбасу, сыр, черный хлеб и делаю бутерброды, которые с тарелки просто улетают.

– Это я удачно зашел, – успевает между бутербродами радоваться парень, но чуть скисает, заслышав шаги в квартире.

Я киваю ему, чтобы он разместился с другой стороны стола – оттуда прогуливающихся будет не видно, и тем самым сохраняю ему аппетит. В самом деле, вряд ли бы его порадовал вид обнаженной девушки, которая крадется расслабленной кошкой, а потом замечает меня и со смущенным «ой!» скрывается в ванной. А вот мужчину, который неспешно следует за ней в одних боксерах, да и то натянутых наспех, вряд ли бы порадовало внимание моего гостя.

– О, сестра! – заметив меня, восклицает мой братец и поднимает вверх руки, показывая, что он безоружен, незащищен и вообще ни при чем. Бросает взгляд на дверь ванной, где уже плещется его пассия, и подходит ко мне с объяснением. – Слушай, я же сегодня уезжаю! Долгожданный отпуск, все такое – трудная работа, ни минуты на перекур, вкалывал, как пчела! Ну, ты в курсе.

Я молчу.

О трудной работе Ильи я знаю лишь из его слов. Но платят ему действительно хорошо – и он может легко позволить себе трехнедельный отдых в очень жаркой стране. Собственно, в нашу последнюю встречу два дня назад мы уже успели проститься, а тут вдруг...

– Так вот, Оль, – продолжает мой братец, – завтра утром мне уезжать, а сегодня вечером я вспоминаю, что мой паспорт-то у тебя! Представляешь? Ну и зашел за ним. Светик приходила меня проводить, но какие проводы, когда такая подстава! Так что мы у тебя!

– Это я уже поняла, – останавливаю поток нелепых признаний. – Скажи только: ты свой паспорт нашел? И могу я рассчитывать на то, что прощание вы перенесете в твою квартиру?

– А мы уже закончили! – радуется братец, хвастливо сдувая с глаз темную челку. – Переносить ничего не будем!

Из ванной слышится протестующий писк, но Илья не обращает внимания. Подходит ко мне, проникновенно заглядывает в глаза и кается:

– Ну, прости, Ольчик. Ничего такого я не планировал. Случайно обнаружил в паспорте презервативы, и решил... Ну а что с ними делать? Дома у меня есть, тебе оставлять бессмысленно, а это ведь деньги, а я так тяжело вкалываю, так что...

– Да уж, эти долгосрочные инвестиции не для тебя, – соглашаюсь я и, отвесив ему легкий подзатыльник, отпускаю с миром. – Иди уже, заканчивай свои проводы. Я спать, между прочим, хочу.

Братец скрывается в ванной, я возвращаюсь на кухню и натываюсь на недоуменный взгляд своего гостя.

– В такую рань?! – возмущается он таким тоном, будто я его рядом с собой укладывать собиралась.

Прокомментировать не успеваю, так как из ванной доносится счастливый писк, а потом оттуда выбегает Светик, которую мне пока не представили, и несется напрямик на кухню. И только через секунду я понимаю, что она спешит не для того, чтобы уладить это недоразумение, нет.

– О, Боже! – восклицает она с придыханием, бережно прижимая к себе кошмарную салатную юбку, которую парень, скорее всего, оставил на стиральной машинке. – Боже, откуда у вас это чудо?!

Мы с парнем переглядываемся, и он отрицательно качает головой, мол, не выдавай.

– Купила... однажды... в плохом настроении... – говорю я. – В тот момент она хорошо его отражала.

Хотя на самом деле купить это безобразие можно лишь в невменяемом состоянии, на мой взгляд.

– А... – девушка любовно поглаживает юбку и бросает на меня осторожный взгляд. – Может, вы мне ее продадите? И ваше настроение улучшится, и мое!

– Там проблема с разрезом, – указываю на очевидный дефект.

Девушка уверяет, что легко преодолет эту проблему, это вот прям как раз для нее легкотня, а парень молчит. Но не могу же я распоряжаться его вещами! Но и выдавать его не могу.

– Тебе надо? – задаю ему нейтральный вопрос.

Решив, что я устраиваю торги, девушка поспешно восклицает:

– Я заплачу больше!

– Уступаю, – усмехается мой странный знакомый.

– Дарю, – с легкостью избавляюсь я от ненужного.

Девушка взвизгивает, убегает, потом возвращается и...

– Остальное уже разобрали, – отрезает парень, заметив ее жадный взгляд.

Чуть расстроившись, она бредет в коридор одеваться, а на кухню заглядывает мой братец.

– Ух ты! – говорит он, заметив моего гостя, потом подходит ко мне и шепотом признается: – Этот не в твоём вкусе вроде бы, нет? Светлые волосы, короткие, а ты же любишь...

Он пытается изобразить повышенную лохматость, за которую всегда дразнил Толика, но замолкает под моим пристальным взглядом.

– Ладно-ладно, тебе виднее, – идет на попятную он и говорит приглушенно: – Только... молодой очень, мог не предусмотреть, а ты тоже из темы выпала... В общем, передаю важную информацию по наследству, отрываю от сердца...

Практически прилипнув к моему уху, он громким шепотом мне доверительно сообщает:

– Ольчик, там, где лежал мой паспорт, еще осталось, и...

И я выпроваживаю незваных гостей под кашель, тщательно маскирующий ржание еще одного гостя этого вечера.

Так, теперь разбираемся с ним...

Вернувшись в кухню, застаю парня за поспешным запихиванием в рот последнего бутерброда.

– Мне пора! – сообщает он, выглянув в окно.

С улицы слышится длинный гудок машины, и гость ускоряется с уходом настолько, что я едва успеваю схватить его вещи из ванной и догнать уже на лестничном пролете.

– Ты забыл, – пытаюсь вручить ему вещи.

– Ничего я не забыл, – сообщает он с лихой улыбкой. – Тебе оставил. В благодарность за помощь и гостеприимство.

Ну да, все правильно. Ни одно дело не остается безнаказанным. И пока я пытаюсь смириться с мыслью, что завтра утром мне придется тащить на мусорку огромный мешок, он вдруг передумывает и забирает у меня куртку. Ну, хотя бы так...

Впрочем, покопавшись в карманах, он достает какую-то черно-белую карточку, сияет улыбкой победителя и небрежным жестом возвращает куртку мне.

– Вот, – он пытается торжественно вручить мне то, что нашел, но видит, что я взять не могу и оставляет на тумбочке у зеркала. – За результат ручаюсь! Почувствуешь себя королевой! А много спать в цветущем возрасте вредно!

После еще одного нетерпеливого гудка машины, он весело подмигивает и сбегает по ступенькам, а я возвращаюсь в квартиру, кладу вещи на тумбочку, чтобы были поближе к выходу, и беру карточку, с тайной надеждой, что это визитка и парень окажется сантехником или электриком. Тогда я бы поняла, что справедливость на свете есть, что я поступила правильно, да и вообще, мой унылый вечер значительно бы улучшился.

С улицы доносится еще один длинный гудок, и уже не выдерживаю я. Иду к окну, выглядываю и вижу, как у темной машины стоит какой-то лысый мужчина. Интересно, он откроет дверь для любимого? Лица мужчины не рассмотреть, только видно очевидное – мощный, вряд ли пассив...

Но нет.

Мой гость, который не сказал даже имени, вырывается на улицу, что-то ворчит в свое оправдание, и сам открывает для себя дверь авто. Вскоре машина уезжает, а я с надеждой начинаю рассматривать карточку, которую мне оставили, и...

И вздыхаю разочарованно, так как понимаю, что не видать мне сантехника или электрика по сходной цене. Потому что это не визитка, а пропуск в клуб.

«Твое желание», – выведено белым на черном фоне.

Этакая классика, и так мог бы подумать каждый, кто не в курсе нюансов.

Но так как мой брат уже три года работает там официантом, я знаю, что это очень дорогой клуб, попасть в него не так просто, даже найти в него вход – это как пройти целый квест!

Но мне не стоит и утруждаться. Потому что это не обычное заведение, а гей-клуб.

В расстроенных чувствах, я не выбрасываю пропуск сразу же в урну, а зачем-то отношу его к вещам в коридоре, а сама иду переодеться и спать. Эх, прав был тот парень – много спать вредно. И уже завтра я пожалею, что поленилась и не вынесла на мусорку и вещи, и карточку тем же вечером, как они появились в моей квартире.

Глава № 3

К сожалению, субботнее утро начинается не с чашечки кофе и порции рефлексии, а со звонка в дверь, визита подруги и ее открытия века:

– Все мужики – козлы!

Короткие светлые волосы торчат в разные стороны, вместо стильной одежды домашние брюки и растянутая майка, а глаза красные, как будто она действительно всю ночь составляла формулы, чтобы доказать самой себе эту легчайшую теорему.

Кошусь на часы в коридоре, недоуменно залипаю на цифре восемь, но Катерина, пользуясь моим состоянием, протискивается в квартиру. Скинув свои тапки и нырнув в гостевые, она марширует к моей ванной и, прежде чем там закрыться, ставит меня, как хозяйку, в известность:

– Я пришла к тебе выплакаться!

В полусонном состоянии никак не могу понять: почему для этой цели не подходит ванная в ее квартире. Живет подруга на этаж выше, планировка у нас одинаковая. Но включается автопилот, и я плетусь на кухню, начинаю готовить кофе и быстро организовываю нам что-нибудь перекусить.

Несмотря на мелкие хлопоты, окончательно проснуться не получается: я то и дело застываю на месте, удивляясь, что я здесь делаю. Потом вспоминаю и снова принимаюсь возиться. А еще убаюкивает снег, парящий за окнами – белый, пушистый, еще не тронутый шинами машин и людьми. Сейчас бы снова укутаться в одеяло, закрыть глаза, и чтобы тишина...

– О, Боже! – практически будит меня громкое восклицание где-то вдали квартиры.

А потом я вижу в дверях кухни Катерину, и у меня случается дежавю. Ни намек на грусть или слезы, от уха до уха улыбка блаженства, а в руках вещи моего вчерашнего гостя.

– О-ля-я-я, – тянет она восхищенно и поглаживает поочередно то желтую безразмерную куртку, то кофточку с длинными перьями вдоль глубокого декольте, то сапоги с блестящими стразами. – Откуда такое богатство? Вот это щедрость! Это... подарок Ильи? Все-таки есть в нем что-то хорошее.

Усилием воли не опускаю рейтинг своего брата в глазах лучшей подруги и не рассказываю о тех подарках, которые он пытался вчера мне всучить. Но так как секрета нет, рассказываю за чашечкой кофе о незнакомце. Катерина настолько увлекается этой историей, что совершенно забывает поделиться причиной того, что ее ко мне привело.

Сидит, хихикает, настроение прехорошее. Один раз только хмурится, когда я вскользь упоминаю, что Илья был у меня в гостях не один. Надо же, замечаю я удивленно, неужели он ей все еще нравится?

Между ними никогда ничего не было, хотя, на мой взгляд, они могли бы друг другу и подойти. Дело в том, что они знакомы с раннего детства и когда-то давно Катерина пыталась дать ему понять, что не будет против его ухаживаний. Но Илья заявил, что так утруждаться не в его принципах и вообще, как он может делать это по отношению к девушке, которую не раз видел на горшке со смешными бантами на голове?

В общем, каждый из них живет своей жизнью. Илья встречается с теми, кто доступней, проще и без претензий, а Катерина с теми, кто по ее мнению созрел для чего-то серьезного. Каждый из них не по разу влюблялся, а вот же...

А, может, и показалось.

С учетом раннего подъема, не исключаю.

Я даже первую просьбу продать эти вещи по сходной цене поначалу списываю на то, что мне снится забавный сон. Но когда меня начинают тормошить, хватать мою руку и повторять желание выглядеть плохо по третьему разу, наконец, окончательно просыпаюсь.

– Так бери, – отмахиваюсь, скрывая зевоту, и после крика счастья и радости, уточняю. – Скажи хоть, что тебя так сразило.

– Это же из последней коллекции Valentino! – просвещает меня подруга. – Я только несколько дней назад видела эти вещи на мировом подиуме по телевизору, а тут вдруг у тебя в коридоре! Эх, скорей бы найти подходящее место, чтобы их выгулять...

Она ненадолго погружается в мечты, а потом бросает на меня настороженный взгляд.

– Оль, а он что, был только в этой куртке и кофточке?

– Нет, еще в ужасной салатовой юбке.

Я даже морщусь, вспомнив эту безвкусицу, а подруга тяжело вздыхает и мертвым голосом уточняет:

– Длинной, блестящей и как будто чуть жатой?

– Да, – припоминаю подробности, – точно. Но юбку уже забрали, так что прости. К тому же, там все равно был дефект...

– Прости! – сокрушается она, ничуть не лукавя. – Оля, вот зря ты такая добрая и кому-то уже ее отдала! Эта юбка могла очень красиво оттенить мои зеленые глаза! И был бы такой эффект, просто вау!

После оговорки про мою доброту я молчу. Хотя и слабо представляю, как бы ей удалось добиться волшебного оттеняющего эффекта, с учетом того, где у человека глаза, а где юбка.

– Вот что! – неожиданно подруга вновь оживляется. – Я придумала, где смогу выгулять эти обновки!

– Отлично, – радуюсь за нее. – И где же?

– Там, где можно почувствовать себя королевой! – она машет перед моими глазами черно-белой карточкой и, наверное, полагает, что радуется сообщением: – Тебе тоже не помешает побыть в короне, прежде чем твою голову снова забьют цифрами и отчетами. Так что вдвоем пойдем! Сегодня. Не будем откладывать удовольствие!

Откровенно говоря, я не представляю, каким образом можно почувствовать себя королевой в гей-клубе. Если бы речь шла о спа-салоне, то без вопросов, а так...

Но Катерина, которой я в деталях пересказала встречу с незнакомцем, почему-то уверовала в его слова и загорелась опробовать новые впечатления, напирая на то, что в ее состоянии это просто вопрос жизни и смерти!

– К тому же, там к тебе никто не станет подкатывать, – добавляет она увесистый аргумент, когда я устаю отбиваться. – Я знаю, что ты этого не переносишь. Мы просто посмотрим, расслабимся. Считаю, сходим на выставку – смотреть можно, трогать нельзя. Зуб даю: такой культурный поход одобрила бы даже твоя бабушка!

Только дружба и сочувствие к белозубой улыбке Катерины мешают мне принять столь опрометчивую ставку. Уж я-то знаю, что бабушка посчитала бы поход в этот клуб глупостью и пустой тратой времени. Еще бы – с учетом его контингента, ни единого шанса, что это может привести к появлению на свет долгожданного правнука.

Нет, конечно, поначалу бабуля рассчитывала на то, что все будет по правильному: я выйду замуж, Илья женится, а уже потом и у меня, и у него появятся дети. Но год назад, устав ждать, она провела с нами долгую беседу, в ходе которой поставила в известность, что ее взгляды на этот вопрос стали более современными, попросила принять во внимание ее возраст и наконец-то ускориться.

Говорили мы один-на один, за закрытой дверью, но когда мы с Ильей поделились впечатлениями, выяснилось, что суть была одинаковой. Я послушала и махнула рукой – как будет, так будет, а вот Илья с таким рвением окунулся в любовные похождения, словно ему пообещали наследство.

Конечно, у бабули помимо любимой бесценной шляпы есть небольшая шкатулка с драгоценностями, но сомнительно, что брата могли вдохновить десяток колец, цепочек и бус. Хотя, бонус за старания он все-таки получил: видя такое усердие внука, бабуля убедила наших родителей не тянуть с переездом на дачу и освободить жилплощадь для мальчика.

Мама с папой никогда не скрывали, что жить среди зелени им нравится куда больше, чем в городе, к тому же, наличие машины расстояние в 20 километров превращали в пустяк, так что легко поменяли привычку. У меня как раз начинались отношения с Толиком, поэтому я была только рада переезду любимого брата. Бабуля, совершив этот переворот, принялась ждать пополнения в славной династии Северских, даже как-то помолодела, но...

Мы бабушку подвели.

Меня неожиданно бросил Толик. А правнука от Ильи, пусть и с учетом предоставленных бонусов, можно дождаться только в том случае, если одна из его однодневных подружек сделает дырку в его «инвестициях».

– И потом, – вырывает меня голос Катерины из размышлений, – разве тебе не интересно посмотреть, где работает брат? Сколько раз мы просили у него пропуск в клуб? А он только отговаривался: это не для вас, нечего вам там делать, я занят, у меня нет времени там за вами присматривать! Не развлечемся, так хоть узнаем, за что обычному официанту платят такие деньги, которые не снились ни успешному маркетологу, ни четырежды главному бухгалтеру!

Пожалуй, именно упоминание моей грустной статистики, которая стараниями бабули скоро повысится, заставляет меня согласиться, и вечером мы все-таки выдвигаемся в клуб.

Не считая необходимым наряжаться ради бесперспективного дела, я выбираю обычные джинсы и свитер, но стараниями подруги переодеваюсь в голубое короткое, но приличное платье, которое компенсируется вызывающим декольте.

– Хорошо подчеркивает твою фигуру и грудь, – с гордостью осмотрев меня, заявляет подруга.

И, несмотря на то, что мой третий размер хорошо подчеркивает даже мешок, я соглашаюсь, чтобы все поскорее закончилось. Я твердо уверена, что это тот случай, когда раньше начнешь – раньше закончишь, потому что в гей-клубе нам точно нечего делать, и потому не комментирую одежду Катерины. Впрочем, стоит признать, что на ней кофточка с перьями смотрится симпатично, короткая облегающая юбка, заменяющая салатовую, сочетается с блестящими сапогами, да и желтая куртка сидит не так ужасно, как на первом поклоннике Valentino. И все же, пока мы едем в такси, подруга не раз вздыхает по модной утрате.

Таксист высаживает нас по адресу, указанному на обороте приглашения, но все попытки найти клуб с треском проваливаются. Вывески, на которую мы рассчитывали, нет, прохожие, к которым обращаемся за помощью, предлагают не мерзнуть и выбрать мегамаркет неподалеку, в котором так же хватает развлечений. Нам даже сдают подпольное казино! Но о том, что в этом районе есть клуб «Тайное желание» не подозревает никто.

На этом оптимистичном моменте я предлагаю отправиться домой и утешиться бутылочкой хорошего вина, намекаю, что готова выслушать обо всех «козлах», родословной которых подруга захочет со мной поделиться. Но вдруг она издает победный крик, протискивается между густыми кустарниками, устремляется к неприметному зданию, скрытому за ветвями спящего виноградника, и припадает к его стенам, как к молитвеннику – не только ладонями, но и ухом.

Я морщусь и достаю из сумочки гигиенические салфетки – Катерине они точно понадобятся по возвращении. С учетом расположения и темноты этого места, глупо надеяться, что максимум кто там уединялся время от времени – это коты.

Но подругу ничего не смущает – она медленно и тщательно обводит каждый проступающий через ветви камень и к чему-то прислушивается. Я же осматриваюсь по сторонам, чтобы если что, предотвратить вызов полиции. Очень рассчитываю на то, что холодный ноябрь не

позволит Катерине долго играть в сыщика, и мое участие в этом детективе закончится тем, что я постою на шухере, но...

Услышав жалобный вскрик, уже через мгновение устремляюсь через колючие кустарники следом за подругой. Обвожу окрестности растерянным взглядом, немного успокаиваюсь, что поблизости не наблюдается ни одного ненормального или маньяка, и интересуюсь причиной своей внезапной пробежки:

– Что случилось?

– Я ноготь сломала! – жалуется подруга и, подув на свой пальчик, решительно объявляет: – Теперь ты понимаешь, что это дело чести и я никуда не уйду, пока не найду этот клуб?!

Я с тяжелым вздохом поправляю дубленку, отпихиваю носочком ботинка кусочек льда, медленно вытаскиваю из своего хвоста веточку от кустарника и настолько красноречиво смотрю на подругу, что она понимает без слов. У нее максимум десять минут на попытку мести за утраченный ноготь, иначе сегодня вечером, в этом районе, и вот точно на этом месте все же объявится новый маньяк.

Катерина стремительно возвращается к зданию, снова принимаясь его ощупывать, я поворачиваюсь спиной, чтобы скудный свет фонарей позволял хорошо рассмотреть стрелки на часах, с замиранием жду, когда мы уже покинем это укромное и богом забытое место, и вдруг...

– О, Боже... – слышится позади меня благоговейный шепот Катерины.

Я оборачиваюсь и едкая реплика, что она повторяется, застывает у меня на губах. Это невероятно, но я вижу приоткрытую дверь, которая волшебным образом возникла посреди этого виноградного палисадника, в дверях стоит высокий мужчина в строгом костюме, а за его спиной льется свет и слышится негромкая музыка.

– Почему через черный ход? – угрюмо вопрошает нас незнакомец.

– Твое... наше... клуб... – бормочет растерянно Катерина, достает из сумочки пригласительный, смотрит на него пару секунд и находит подсказку в названии. – Таково наше желание!

Мужчина берет у нее пригласительный, окидывает нас внимательным взглядом и, открывая дверь шире, басит:

– Ну, заходите! Только сразу вам говорю: зря вы сегодня пришли!

Катерина хватая меня за руку и заставляет войти в эту дверь. От громкого щелчка за спиной я вздрагиваю и с удвоенной скоростью начинаю прокручивать в голове слова мужчины. Это ведь было предупреждение, верно? Мне точно не показалось?

Глава № 4

Чем больше я присматриваюсь к мужчине, тем меньше мне нравится в этом клубе: лицо суровое, взгляд холодный, черный костюм как ширма для горы мышц. Да и обстановка не располагает к тому, чтобы расслабиться и отдохнуть – кирпичные стены, несколько черных пультов, но вместе с тем с потолка свисает обычная лампа, которая вряд ли нуждается в таком управлении. Еще бы массивный стол и можно считать, что в допросной.

Кошусь с надеждой на дверь, но по воинственному взгляду подруги понимаю, что лезть обратно через кусты она не намерена и уйдет не раньше, чем обнаружит парадный выход.

– Почему вы сказали, что мы пришли зря? – вопрос Катерины подтверждает мои предположения. – У нас, между прочим, вип-приглашение!

– Вот потому и сказал, – разводит руками мужчина. – Вы могли выбрать любой другой день, но имеете право остаться и в этот. Если хотите, конечно.

– А что не так с этим днем? – докапывается до сути подруга.

– Сегодня клуб ориентирован на мужчин. И хотя девушкам с вип-приглашением тоже будет уделено внимание, это вряд ли сравнится с тем, что могло бы быть в другой день. Иными словами, с большой долей вероятности вам будет здесь скучно.

– Отличный пиар заведению! – прорывается в Катерине любовь к профессии. – После такого просто невозможно уйти! Все! Мы точно останемся!

Наши синхронные вздохи с охранником перекрывают отголоски музыки. Но мужчина больше не делает попытки отговорить нас, снимает со стены один из пультов и вежливо предлагает сменить обстановку. Мы выходим из этой комнаты в длинный коридор, несколько раз сворачиваем, а потом наш проводник останавливается.

– Можете посетить общий зал, – он кивком головы указывает направление, – или занять свободную вип-комнату, в данный момент это номер шесть. Когда определитесь с желанием и захотите отдохнуть, нажмете на красную кнопку. Я доложу персоналу о вашем приходе, так что о вашем статусе будут знать.

Он передает Катерине пульт и растворяется вдали коридора до того, как она успевает забросить его очередными вопросами. Переглянувшись, понимаем, что дальше остается рассчитывать на свою интуицию, и идем вперед, радуясь тому, что с каждым шагом музыка становится громче.

– Наверняка все веселье там! – предвкушает Катерина.

В отличие от коридоров, по которым мы проходили, вдоль этого расположены двери с табличками «VIP», и проемы, закрытые ширмами. Завесы полупрозрачные, и легко позволяют рассмотреть то, что там происходит. В одной комнате мужчина, не стесняясь, лапает женщину, сидящую у него на коленях, в другой комнате то же самое делают двое мужчин, в третьей...

Мне достаточно множественных ахов и вздохов, чтобы преодолеть этот участок с закрытыми глазами. И я даже не хочу думать, что происходит в тех комнатах, где плотно закрыта дверь.

– Одного не пойму, – тихо, чтобы нас не услышали за ширмами, шиплю я на ухо крадущейся рядом подруге. – Почему рядом с теми мужчинами были женщины, если это гей-клуб?

– Это транс, – убеждает она немного дрожащим голосом.

Нам обеим не по себе от увиденного, и мы облегченно выдыхаем, когда минуем это препятствие с зонами для вуайеристов и оказываемся в общем зале.

Ух, наконец-то, может, не зря пришли?

Увы, нам хватает всего пары секунд, чтобы понять: никакого веселья здесь нет! Это раз. И второе: залу надо было дать не абстрактное название «общий», а более говорящее – «территория для тоски!»

На первый взгляд, здесь все, как в обычном клубе: танцпол, диджей, барная стойка, бармен, зона с мягкими диванами и небольшими столиками, вдали, у выхода, два охранника, а на небольшом возвышении без энтузиазма крутится стриптизерша. С учетом специфики клуба, не удивительно, что у ее танца всего пара поклонников. Куда уместней смотрелся бы стриптизер.

Гораздо сильнее удивляет другое. Танцующих нет. Совсем. Музыка не бьет по ушам, а скорее служит ненавязчивым фоном. Мужчины, которые сидят за столиками, мало похожи на тех, кто пришел расслабиться. Они ведут себя так, будто не успели закончить в пятницу деловые переговоры и перенесли их сюда.

Женщин среди гостей нет, и здесь как раз все понятно. Меня настораживает не это, а повышенный интерес мужчин к нам с подругой. Причем взгляды у них цепкие, оценивающие, длинные, залипающие, я бы сказала.

Один из мужчин напрочь теряет интерес к своему собеседнику, склоняет голову набок, словно что-то прикидывая в уме, усмехается, заметив мой взгляд, и небрежно взмахивает рукой. Отделившись от стены, к нему немедля подходит худощавая девушка, которую до этого не было видно, настолько она хотела слиться с обстановкой. Она услужливо склоняется над мужчиной и понятливо кивает. Потом оборачивается к нам и снова что-то уточняет у гостя.

Несмотря на то, что я в курсе специфики клуба, моя паранойя подкидывает варианты, которые они, возможно, сейчас обсуждают. По жадным взглядам мужчины в нашу сторону я готова подозревать что угодно: от предложения переспать до тайной торговли людьми.

И когда девушка отрицательно качает головой и отходит, я настолько явно вижу сожаление на лице мужчины, что мне окончательно становится не по себе.

– Здесь что-то не так, – бормочу я, осматриваясь и то и дело натываясь на взгляды гостей.

– Конечно, не так! – поддакивает Катерина и выдает то, что поражает ее из происходящего сильнее всего. – Ни одного официанта на горизонте!

В расстроенных чувствах, она явно нацеливается на бар, и в ином случае я бы поддержала ее инициативу. Но вдруг замечаю, что тот самый мужчина, который вел переговоры с девушкой, поднимается из-за стола и уверенным шагом направляется в нашу сторону.

Высокий, симпатичный, одет хорошо, но меня вымораживает его раздевающий взгляд и довольная ухмылка, как будто у него в руках вот-вот окажется бедная золотая рыбка, исполняющая любое желание.

К сожалению, он перекрывает выход из клуба, и с каждой секундой все ближе и ближе. Да, скорее всего, мои опасения беспочвенны, но я не хочу с ним пересекаться, не хочу до дрожи в коленях. Поэтому хватаю за руку Катерину, которая продолжает выискивать взглядом официантов, и едва не силой впихиваю в вип-комнату под шестым номером.

– Так, – говорит она, скрестив на груди руки, – я поняла, что тебе здесь не понравилось. Мне, кстати, тоже. Но мы что, даже по коктейлю себе не позволим? Я хочу хоть какую-то компенсацию за мой ноготь!

Пока она возмущается, я приваливаюсь к двери и отчетливо слышу тяжелые шаги в коридоре. У нашей двери они стихают, и я замираю: войдет-не войдет? Пусть это беспочвенно и ненормально, но я чувствую от незнакомца угрозу. Возможно, потому, что в моем представлении геи не рассматривают так пристально женщин, да и клубы для секс-меньшинств я представляла иначе.

– Оу! – обернувшись и заметив приличный бар в этой комнате, издает победный клич Катерина.

Пока она выбирает напитки, я все так же стою у двери и становлюсь свидетелем негромкого разговора. Что именно говорит мужчина, не слышно – только недовольство в его голосе, а вот ответ его собеседницы более громкий, хотя все равно не отчетливый:

– Сожалею, но у них вип-приглашение... сами понимаете... вне доступа... Иначе нам придется... и вы уже никогда... Любое другое желание... к вашим услугам...

Удаляющиеся от двери шаги все равно не помогают расслабиться. А вот замок, который я замечаю, едва не возносит к небесам мою душу, и негромкий щелчок приглушает мой стон облегчения.

Станный разговор. Станный клуб. И странный приступ паранойи, которой я не страдаю.

– Оля, хватит полировать дверь! – призывно размахивает бутылкой вина Катерина и, смеясь, предлагает: – Ты лучше посмотри, куда мы попали!

Переведя дыхание, я обвожу взглядом комнату, и мое недоумение по поводу клуба только множится: сбоку барная стойка с безграничным количеством спиртного, с другой стороны аккуратный столик, два красивых дивана, два кресла, горящий камин, на стенах, как в галерее, много картин.

Все в комнате в приятных шоколадно-молочных, спокойных тонах. Ощутить себя в комфортных домашних условиях мешает только один нюанс – небольшая сцена по центру и пустующий пилон.

– Не будь здесь таких странных посетителей и вот этого, – киваю на шест, – я бы все-таки поспорила на твой зуб, что это культурное мероприятие моя бабушка бы не только одобрила, но и сама на него сходила.

– Самые странные здесь официанты, – недовольно ворчит Катерина, разливая вино по бокалам. – Их здесь попросту нет!

К счастью, помимо спиртного мы обнаруживаем коробки конфет, шоколадки, зефир, пачки фисташек, а в маленьком скрытом холодильнике хлеб, масло, икру, красную рыбу и разного рода нарезки.

– У клуба еще есть шанс отмыть первые впечатления, – ворчит Катерина и, отмахиваясь от моих сомнений, что все это не для нас, быстро организывает поляну.

Я пытаюсь спасти хотя бы банку икры, но когда крышка с нее слетает от легкого взмаха руки, остается надеяться, что у нас хватит средств или что здесь олл инклюзив. Немного утешает то, что никто пока не ломится в дверь, хотя с другой стороны, это же и настораживает.

Ну, действительно, в вип-комнату зашли два посетителя. Явно ведь не для того, чтобы станцевать у шеста и уйти. Хоть бы кто-то поинтересовался: как дела, чего мы хотим. И если поначалу я еще подумывала заступиться за брата, который не раз рассказывал о своей трудной работе, когда он сутками буквально не приседает, то теперь у меня самой подозрения, что вся его работа заключается в том, чтобы дремать на таких вот диванах.

Кстати, довольно удобных.

В комнате тепло, да еще камин играет огнем, так что мы с подругой избавляемся от верхней одежды, размещаем все, что нам приглянулось, на столике и, чокнувшись бокалами, пытаемся сами себе поднять настроение. Все равно здесь больше рассчитывать не на кого.

Сначала это печалит, особенно Катерину, которая не согласна, что королевский прием – это спиртное, еда и удобное ложе, на котором мы, скинув обувь, размещаемся с максимальным удобством.

– Где хотя бы шуты? – неловко махая бокалом, вопрошает она у натяжного потолка. – Я уже молчу про симпатичных пажей!

Смеясь, отсаживаюсь чуть дальше, чтобы мое платье не стало жертвой ее настроения. Разочарованно вздохнув, она обновляет нам вино, и так увлекается бесподобными конфетами, что на время отпускает болезненную тему. Да и обстановка удивительно располагает к прощению – все такое спокойное... Или это все же вино?

Не знаю точно, но сидим хорошо, душевно. Половины бутылки нам хватает, чтобы уничтожить бургеры с икрой, одну коробку конфет и под это дело обсудить последнего кав-

лера Катерины. Тот еще представитель рогато-копытных! Объявил ей, что им надо расстаться, потому что он, видите ли, не готов к серьезным отношениям, но попросил ни с кем не встречаться, пока он подумает.

Потом мы все обновляем, я показываю на телефоне фотографии Мексики, которые Толик постоянно мне присылает, и единодушно переходим к более животрепещущей теме: моему очередному увольнению и новой работе уже с понедельника.

– А ты не боишься? – интересуется подруга, разливая по бокалам остатки вина. – Нет у тебя стресса, страха, чего там еще? Я всегда жутко волнуюсь, когда встречаюсь с новым заказчиком, а у тебя обновление сразу всего коллектива! А вдруг интриги, пакости, козни!

Вообще-то это печальная тема, и один на один я над ней серьезно грущу, но вино оказывает просто чудотворное действие, и я храбро отмахиваюсь:

– Да н-нет... я к-как-то... – бросаю в рот конфетку, чтобы собраться с мыслями и говорить более четко. – Это ж-же коллектив должен меня бояться!

Мы хохочем так, что на глазах выступают слезы. Катерина выдает версию каких-то ученых из интернета, что слезы – это очистительная жидкость, и раз она вышла, мы очистились, и значит, можем попробовать еще вон то вино, в такой, зеленой-зеленой бутылочке.

– Синей, – уверенно возражаю я.

– Можем, и в синей, – соглашается Катерина.

На удивление твердой походкой она приближается к бару и выбирает бутылку с красной этикеткой.

– Это чтобы не спорить, – поясняет она свой тактический ход.

Откровенно говоря, я не в том настроении, чтобы заниматься такой чепухой и спорить по пустякам. Пусть будет красная! Единственное, мне удастся договориться, что я пока выдыхаю, потом где-то ищу для нас кофе, а уж потом присоединяюсь к веселью.

– А мне дышится хорошо! – с этим заявлением Катерина приступает к дегустации нового вина и после первого глотка прикрывает глаза. – А-балденно! А знаешь, я, кажется, постигла тайну твоего брата!

У меня слегка кружится голова, язык (уже проверила) заплетается, так что я взмахиваю рукой, показывая, что горю желанием приобщиться к этому знанию. Катерина даже подбирается вся, настолько, видимо, это страшная тайна – прищуривает кошачьи глаза, сдувает с лица белую модную челку и, ткнув в сторону пострадавшим пальцем, тихо-тихо, по большому секрету, мне сообщает:

– Уверена, это все заранее поставили официанты. Чтобы не бегать туда-сюда. Представляешь, какие коварные! Особенно, брат твой. Не удивлюсь, если эту схему он и придумал!

– А если бы мы захотели чего-то другого? – безуспешно пытаюсь преодолеть речевой барьер. – И не сидели здесь, а п-потребовали?

– Он бы снова что-то придумал! – уверенно выдает Катерина. – У него на все отговорки!

Будь вина чуточку меньше, я бы не затронула эту тему: с учетом своего опыта, всегда считала скверным, когда в твою жизнь кто-то вмешивается. Но здесь все так очевидно, и, кажется, наболело, что я пару секунд делаю дыхательную гимнастику, навожу резкость во взгляде и предлагаю:

– С-соблазнила бы его уже и в-все... А потом как твой этот, бывший, ушла бы подумать, если вдруг что не понравилось.

– Соблазнила! – морщится Катерина. – Пыталась его пару раз соблазнить, а он мне сказал, что не может, не в состоянии!

Глава № 5

– Не может этого быть! – мне кажется, я даже чуть трезвею, оттого мне обидно за мужскую состоятельность брата, которой, кстати, я только вчера лишний раз стала свидетелем.

– Может, – Катерина щедро обновляет себе вино, сообразив, что я за кофе еще даже не отправилась, а тут такой разговор, что и уходить мне нельзя, делится и со мной. – Он мне так и сказал! Не могу, говорит, я встречаться с девушкой, которую видел голышом на горшке и с конфетой в зубах! Не в состоянии, говорит, забыть этот шок!

Подруга грустно вздыхает, но видя, что я давлюсь смехом, не выдерживает и тоже улыбается.

– И главное умеет он как-то внушить, – добавляет она обиженно, – я теперь тоже думаю: надо же было попасть в такую нелепую ситуацию!

– Не переж-живай, – пытаюсь утешить ее, несмотря на приступы хохота, – будь он твоим братом-двойняшкой, ты бы не раз увидела его в шоковых, нелепых и даже дурацких ситуациях. Он тоже не без грех-ха!

Мы находим, что это отличный тост и выпиваем за то, что каждый имеет право на ошибку, но это не повод напоминать о ней спустя столько лет! А потом решаем, что, в принципе, хорошо посидели, можно и расходиться, а кофе у меня дома есть.

– Н-да... – окинув сцену и шест грустным взглядом, Катерина замечает пульт, который так и пролежал на диване, и просканировав помещение, обнаруживает на стене среди картин телевизор. – Давай разбавим впечатления мультиками.

Пока я восхищаюсь тому, что она не пьянеет и не с первой попытки нахожу свою обувь, Катерина со вздохом нажимает на красную кнопку пульта, откидывается на спинку дивана, и...

Мы обе нервно подпрыгиваем от неожиданности, когда вместо мультиков с экрана телевизора на нас смотрит девушка и дежурной улыбкой интересуется:

– Добрый вечер. Администрация клуба «Тайное желание» всегда к вашим услугам! Вы уже определились, чего хотите?

Показывая, что готова тут же броситься исполнять наши желания, девушка встает из-за стола, и теперь ее можно рассмотреть в полный рост. Симпатичная, светленькая, смутно мне кого-то напоминающая...

– Света! – радуюсь я тому, что опознаю незнакомку.

А рядом со мной слышится еще одно восклицание, но с другим оттенком эмоций:

– Так вот кому ты отдала юбку, в которую я заочно влюбилась! Интересно, при каких обстоятельствах...

До этого я рассматривала лицо девушки, но сейчас замечаю, что действительно, она в той самой зеленой юбке. И она на ней смотрится так же уместно, как на Катерине сапоги и желтая куртка. А на мне был бы кошмар как на том пареньке. В общем, прихожу к выводу, что некоторые просто не умеют носить Valentino.

– Оля, – узнает меня в свою очередь девушка, но в ее голосе радости нет.

Более того, даже услужливость пропадает.

Она оглядывается, словно кто-то нас может подслушать, а потом немного нервно интересуется:

– А твой брат знает, что ты в клубе?

– А з-зачем ему знать? – удивляюсь я. – Сам он меня приглашать не хотел, так что не его з-забота, как я сюда попала.

Девушка кивает, вроде бы соглашаясь со мной, а сама куда-то поглядывает в сторону, и взгляд такой задумчивый-задумчивый... Ой, что-то мне это не нравится!

– Хорошо, я поняла, – бросив еще один взгляд в сторону и словно кого-то заметив, она опять растягивает губы в улыбке и предлагает: – Если вы определились, пожалуйста, озвучьте, ваше желание.

Я зависаю в растерянности от такой резкой перемены в человеке, но прислушиваюсь к себе и понимаю, что уже не хочу ничего. А Катерина, безошибочно угадав более удачную соперницу, и не только в борьбе за юбку, залпом осушает бокал вина, со стуком ставит его на столик и, пожалуй, в отместку за то, что здесь по телевизору даже мультиков не показывают, бухтит:

– Желание... что нам одно желание на двоих? Джинна хотим! Или Алладина! Да, Оль, ты как? Уж я бы потеряла сейчас их восточную лампу!

Выдав эту тираду, Катерина ожесточенно нажимает на красную кнопку, снова откидывается на спинку дивана и закрывает глаза. Становится тихо, только камин потрескивает, да слышится обиженно сопение сбоку. Ну нет, так точно можно уснуть, а я хочу домой и чашечку кофе!

Я тянусь за сумочкой, ищу зеркало, но отвлекаюсь на телефон, который пронзительной мелодией призывает к ответу.

– Брат, – пожимая недоуменно плечами, надо же как быстро соскучился, принимаю вызов: – Ну как тебе отдыхается!

– Мелкая! – практически орет в трубку он. – Уходи из этого клуба! Быстро!

Я больше реагирую не на его приказной тон и практически приказ, а на то, как он ко мне обратился. Мы родились с разницей в пятнадцать минут, и мелкой он меня называл, только когда в детстве отбирал конфеты и когда уже во вменяемом возрасте сильно злился или переживал за меня.

– По какому праву? – выныривает Катерина из неги.

А я бросаю взгляд на наш опустевший столик, на бар, который мы слегка потрусили, и прихожу просто в священный ужас:

– Здесь все платно, да? И очень дорого? Мы что, не расплатимся?

– Мелкая, ты меня слушаешь вообще?! – громкий раздраженный голос Ильи чуть не дырявит мои барабанные перепонки. – Быстро взяли за руки со своей подружкой и сматывайте!

Я едва не роняю телефон от расстройства, но успеваю услышать извинения Ильи за горячность и обещание, что он по возвращении мне все объяснит. Он действительно волнуется, понимаю я, слышу по его голосу, поэтому даю обещание покинуть клуб как можно скорее.

– Отлично, Ольчик, – уже более спокойно говорит он, и я слышу его длинный выдох.

– А вино? – беспокоюсь я. – Мы здесь обнаружили бар...

– Не о том переживаешь, – отмахивается он. – Это презент от клуба. Все, Ольчик, давай, давай, собирайтесь. Светлана вас проведет.

Он не назвал ее Светиком, что лишний раз убеждает меня, что дело серьезное. Ну ладно, мы все равно уже собирались на выход, и с проводником даже лучше, а то у меня подозрения, что тот мужчина из бара еще не ушел. А встречаться с ним мне хочется еще меньше, чем раньше.

Я прекращаю поиски зеркала, жду, пока Катерина обуется, про себя негоую на то, что новая пассия брата оказалась предателем. Такая взбучка от брата точно не входила в горячий список моих желаний. Вот ничего толком сделать не могут – не клуб, а одна замануха!

Уловив краем глаза какое-то движение за пустующей сценой, я поднимаю взгляд, и...

И понимаю, что нельзя торопиться с выводами и оговаривать новый клуб и практически незнакомого человека.

Потому что с королевскими почестями у них, конечно, не получилось, но желания, даже такие странные, которые озвучила Катерина, они действительно воплощают в жизнь.

Потому что, несмотря на то, что дверь остается до сих пор на замке, в этой комнате появляется не только джинн, но и два Алладина!

А в руках у одного из Алладинов... ну да, да, – сама не сразу поверила, – лампа!

– Ты посмотри! – слышится восхищенный шепот подруги. – Надо же, как они выкрутились! Темноволосого не нашли, и потому прислали сразу двух Алладинов!

Мазнув взглядом по светловолосым парням, я понимаю, что помимо того, что типаж у них не восточный, оба одеты в современном стиле – джинсы, свитера ручной вязки, кроссовки. А вот с возрастом угадали – им максимум двадцать два-двадцать три, для юных наивных девушек в самый раз.

– Интересно, кто из них исполнит мое желание? – Катерина бросает в сторону ребят заинтересованный взгляд и прикусывает губу. – Я теперь просто теряюсь!

Хм, судя по всему, на не очень юных и уже далеко не наивных их очарование тоже распространяется.

Но не только Катерина в растерянности. Алладины тоже выглядят слегка озадаченными, впрочем, это можно списать на специфику заведения и тематический день. Наверняка думали, что увидят мужланов, потому и с костюмами не заморачивались.

– Оль, – шепчет подруга, томно поглядывая на ребят, – подскажи, кого из них мне помучить?

– Любого, – безразлично пожимаю плечами. – На тысячу и одну ночь вряд ли можно рассчитывать.

– Да знаю, знаю, – вздыхает она и снова съедает парней глазами.

Ни лампа, ни джинн у нее интереса не вызывают.

А вот я не могу прекратить рассматривать мужчину на первом плане, вопреки тому, что он совершенно не в моем вкусе. Слишком высокий, слишком массивный, хотя не из-за обилия жира – черная рубашка так обтягивает его плечи и руки, что я отчетливо вижу мускулы. Когда он делает глубокий вдох, как сейчас, ткань еще больше натягивается, и это удивительно завораживает.

С трудом отрываюсь от его грудной клетки и с интересом рассматриваю несколько цепочек со странными амулетами, которые видны благодаря распахнутому вороту. А еще, кажется, виднеется часть черной татуировки, но я не уверена. И только пытаюсь сосредоточиться и прищуриться, как слышу медленный выдох мужчины. С трудом поднимаю взгляд вверх, и тут же возвращаюсь к цепочкам и амулетам.

Безуспешно пытаюсь выровнять дыхание и еще раз посмотреть в глаза джинна, но не могу. Он меня откровенно пугает. Не тем, что лысый, хотя такая прическа и не входит в десятку моих фаворитов, просто...

Разве мужчина, который пришел, чтобы воплотить наше желание, смотрит так, словно не может понять, почему до сих пор ЕГО желание не исполнено?

Хотя, возможно, мне все это кажется. Как и то, что он мне смутно кого-то напоминает. И один из двух Алладинов. И лампа.

Это все вино, не иначе.

Набираюсь храбрости, чтобы опять взглянуть джинну в глаза, и чуть не падаю с дивана, когда понимаю, что он откровенно меня рассматривает. Так, словно прикидывает: подхожу ему или нет.

Заметив, что темный взгляд прикипает к моей груди, я скрещиваю руки в защитном жесте. Нет, ну это уже ни в какие ворота...

Но вместо того, чтобы понять что к чему, мужчина прищуривается и переключается на мои губы!

А когда я от возмущения наполняю легкие воздухом, он снова устремляет взгляд на мою грудь. Чуть склоняет голову набок, приподнимает вверх светлые брови и... усмехается довольно, пресыщено.

– Так, вспоминаю считалочку... – бормочет Катерина и начинает тыкать пальчиком то в одного Алладина, то в другого.

И, пожалуй, понимая, что это ответственный момент, те наконец оживают. Переглядываются между собой, потом устремляют взгляды на джинна.

– Ты же говорил, что сегодня у нас по плану скучный день для одиноких мужчин, – удивляется один Алладин.

– Для меня это тоже сюрприз, – отзывается джинн.

И мне даже жаль, что такой хриловатый голос с пряными нотками безразличия обычно ударяет по нервным окончаниям мужчин, а не женщин. Хотя... может быть...

Я даже не успеваю вкусить эту мысль, как второй Алладин растягивает губы в улыбке, приветливо машет рукой и радостно восклицает:

– Привет, ночная спасительница!

И здесь я наконец понимаю, почему джинн мне показался знакомым, он же пара этого мальчика! Его нудная, побитая жизнью, но любимая половина.

Становится немного стыдно за откровенное разглядывание чужого мужчины, и я, надеюсь, что никто не замечает моего смущения.

– Привет, – выдавливаю улыбку ночному знакомому и опускаю руки, потому что смысла прятаться никакого.

Наверное, джинн просто не ожидал, что на него будут так откровенно пялиться, а я...

А у меня вино, отголоски от расставания с Толиком – вот и все.

– Пойдем, – подавив вздох, тяну подругу за руку, и неожиданно получаю отпор.

– Нет, погодика-ка! – она высвобождает ладонь, сдувает со лба длинную челку и бросает туманное объяснение. – У меня считалочка закончилась.

После чего поднимается и плавно, грациозной кошкой, крадется к мужчинам. Джинна минует – он ей ни разу не интересен, а вот Алладины...

Останавливается рядом с ними, зачем-то растрчивает себя на улыбку, закусывает губу, а потом кокетливо признается:

– Все равно не могу определиться, кого из вас двоих назначить ответственным за мое желание.

– Есть желание? – первым приходит в себя мой знакомый, бросает в мою сторону вопрошительный взгляд, но я только руками в стороны развожу.

Пока Катерина не получит от них то, что задумала, я вряд ли ее уведу. Но, естественно, мужчине во всех случаях отказать женщине легче. Силу она не применит. К тому же, вряд ли задумает что-то серьезное – может, попросит станцевать у пилон?

Я бросаю взгляд на пустующий шест, и снова чувствую, что меня нагло рассматривают.

На этот раз смотрю на мужчину смело – несмотря на ауру власти, которую он излучает, опасаться мне нечего. Это раньше я таких избегала. Мне казалось, что они могут меня поглотить, подчинить, а во мне и так было достаточно сломленных веточек, чтобы позволить это сделать постороннему человеку.

На удивление, джинну нравится такое внимание. Он воспринимает его как должное, на его жестких губах мелькает усмешка, взгляд лениво прохаживается по моему телу, а потом устремляется к моим глазам. И черт знает, почему мне отчетливо читается в нем приказ: «Поднимись... поднимись, чтобы рассмотрел тебя всю!»

Но пугает меня не это, потому что это фантазии, этого просто не может быть. А то, что я лишь в последний момент останавливаю себя от того, чтобы не сделать так, как он требует.

А ведь он даже слова не произнес!

Только смотрит.

Смотрит так, что...

Лицо горит, ноги ватные, ужасно хочется пить, у меня стойкое ощущение, что пока джинн терзает меня своим взглядом, в меня въедается какой-то редкий, прилипчивый и трудно поддающийся лечению вирус.

Нет, брат был прав – надо срочно бежать. Наверное, здесь в вино что-то подмешивают!

– Катерина, – не узнаю свой голос, настолько он низкий и хриплый, и мне кажется, его едва слышно, тем более что подруга увлечена разговором с ребятами.

Но, к счастью, она оборачивается. И даже подходит ко мне.

– Катерина, нам надо идти, – сиплю я.

– Дай мне пару минут, – просит она и, негромко смеясь, поясняет. – Слушай, они такие озорники... предложили вариант, что их будет двое, а я одна...

Не успеваю я поразиться, как она умоляюще складывает ладони и канючит жалобным ежиком:

– Ну, пожалуйста, Оль. Ну, ради меня. Я только посмотрю, как они целуются. Никогда не видела, как двое мужчин... А эти еще и симпатичные такие... Только пару минут, и сразу домой! Мы недалеко, здесь смежная комнатка есть, так что... Ну невинное ведь желание!

– Две минуты, – я со вздохом смотрю на свои часы, за что получаю поцелуй в щеку и радостное «хе-хе», полное предвкушения.

Катерина времени не теряет – и она, и двое ребят заходят за сцену и исчезают – видимо, смежная дверь где-то там. Я то и дело смотрю на стрелки часов, и потому не сразу замечаю, что джинн уже рядом.

Точнее, не просто рядом, а практически надо мной нависает.

Не отвлекаюсь, слежу за стрелками – две минуты я выдержу.

Хотя он так дышит... и пахнет приятно, моей любимой арабикой...

Так, все!

Его здесь нет, я одна, убеждаю себя.

И, видимо, настолько погружаюсь в этот процесс уговоров, настолько пытаюсь выбить себя из реальности, которая для меня неудобна, что лишаюсь рассудка, теряю контроль.

И словно со стороны вижу, как мужская ладонь небрежным жестом задирает подол моего платья.

Оторопело поднимаю взгляд на мужчину – ведь не может он делать то, что мне кажется?

Не может.

Наверное, я устала, да еще и вино, вот и ненадолго уснула.

Встряхнув головой, облегченно выдыхаю, снова пытаюсь взглянуть на часы, но неожиданно мой подбородок приподнимает вверх мужской палец, чтобы я увидела толику недовольства в темных глазах. А потом этот чудесный волшебный джинн, видимо, сам сходит с ума, потому что непререкаемым тоном ставит меня в известность:

– Чулки – это хорошо. Мне нравится. А вот трусики надо было давно уже снять.

Глава № 6

Трудно сказать, что поражает меня сильнее – наглое, самоуверенное поведение незнакомца или его заявление.

– Интересно, когда я должна была это сделать, – удивляюсь я, безуспешно отпихивая его ладонь. – Может, сразу при входе в клуб?

– Можно было при выходе из квартиры, – отвечает прохладно он и сам убирает руку. – А можно было с утра вообще их не надевать.

– Это такие правила клуба?! – выдавливаю ошеломленно, пытаюсь понять, почему мужчина, который должен спрашивать «Чего изволите, госпожа?», выглядит недовольным, как будто ожидает услышать эти слова от меня.

– Это мои правила, – чеканит он, с укором мазнув взглядом по платью, которое я одернула.

Сговорились эти волшебники, что ли? Дед Мороз в детстве требовал рассказать стишок и спеть песенку, прежде чем отдать мне подарок, который купили мои же родители. Джинн тоже сначала выдвигает свои требования, вместо того, чтобы хотя бы узнать, чего хочу я.

– Я жду, – приказной тон джинна помогает вспомнить, почему его прототипа вообще заточили в лампу.

И только я собираюсь поинтересоваться, помнит ли об этом и он, как понимаю: скорее всего, он просто привык работать по сценарию одной шоу программы! По типу ему больше подходит роль доминанта, вот он и пытается ее применить ко мне.

– Скучно, – сообщаю я, с трудом давя зевок, все же меня разморило, – я была уверена, что уж вы... – обвожу взглядом такую фактуру, – способны на какую-то импровизацию!

Я слышу, как он с шумом наполняет легкие воздухом, но честное слово, с дедом Морозом было куда интересней – тот все-таки вместе со мной плясал возле елочки, а этот хочет, чтобы все сделала я.

– Импровизация, значит... – задумчиво тянет джинн. – Разве что в качестве исключения...

Зевать тянет так сильно, что я все-таки прикрываю ладонью рот, устало закрываю глаза, и...

И в следующий момент буквально взлетаю!

Я только и успеваю разок хлопнуть ресницами и понять, что это джинн зачем-то выдернул меня с дивана, как этот наглый субъект обхватывает мою голову руками, с победным блеском в глазах ловит мой растерянный взгляд, и... накрывает мои губы своими!

Попытка отпихнуть мужчину проваливается с треском, как и попытка его укусить. И потом, он ведь не медлит, а действует! И причем так напористо, с таким жаром и так умело, что спустя пару мгновений я вынужденно признаю: свою шоу программу он делает мастерски. И еще этот запах арабики...

И я даю себе разрешение посмотреть еще один маленький акт, а потом уж...

Не знаю, не хочу думать, на ком он оттачивал свое мастерство, но его поцелуи выбивают из моей головы все связанные мысли. И единственное, что я пытаюсь теперь – устоять на ногах, когда перед глазами туман, а в ушах гулкий шум. И уже на вино не списать, потому что я точно знаю – во всем виноваты губы мужчины, жесткие, властные, которые заставляют меня задыхаться и хвататься за единственную опору, которая мне доступна.

Естественно, это джинн. Только по чистой случайности мои ладони хватаются не за его рубашку, а за шею, соскальзывают чуть ниже, в ту область, где мне мерещилась татуировка, и самовольно пытаются провести маленькое расследование. Джинн издает странный гортанный

звук, который действует на меня как щедрая доза афродизиака, и даже мелькает мысль, что, пожалуй, я пересмотрю свое отношение к этим волшебным мошенникам.

А потом и она разбивается вдребезги, когда одна рука мужчины опускается вниз, игриво очерчивает мое декольте, скользит жаркой змеей по моей спине и притягивает к себе, заставляя пойти на еще одну уступку и признать, что обоюдное желание – это лучше, гораздо лучше. А еще жарче, безумней, и...

– Сними их, – слышу чуть хриплый шепот, когда мне позволяют сделать единственный вздох.

Но, не давая времени вынырнуть из наваждения и понять, чего от меня хотят, джинн снова меня целует. На этот раз мягко, будто уговаривая, хотя для него это состояние и непривычно.

– Сними... – повторение просьбы, еще один вдох, и снова мои губы в сладком плену, из которого не тянет освободиться.

Я все еще пытаюсь сориентироваться, чего добивается джинн, а он уже понимает, что я не та послушная девочка, которой всегда была в детстве, и начинает действовать сам. Ловким движением руки, никакого мошенничества, поднимает подол моего платья, скользит горячими пальцами вдоль линии моих чулок и, впитав в себя мой стон, пытается вклиниться в тот участок моего тела, где сейчас горячее всего...

Не знаю, что быстрее меня отрезвляет – легкое касание к коже или осознание, что собственно происходит, с кем я. Не знаю, как мне удастся все-таки оттолкнуть от себя джинна, просто переполненного желанием – скорее всего, он просто не ожидал сопротивления, потому и позволил мне отстраниться.

Приложив ладони к щекам, смотрю куда угодно, но не в глаза мужчины, потому что просто не могу на него посмотреть! Нет, я уже понимаю, что в клубе к такому привыкли, но у меня от незнакомца так сносит крышу впервые. И впервые мне ужасно хочется снова все списать на вино, но...

В голове проясняется, и я понимаю, что не могу. Не могу, когда так, с первым встречным, даже не зная имени.

– С-спасибо, – выдавливаю из пересохшего горла. – Это было довольно... в общем, можем считать, что вы справились, но этого хватит.

Мелькает мысль: может, дать ему чаевые, и в поисках сумочки, я все-таки бросаю взгляд в сторону джинна. И застываю. Потому что кто бы подумал, что когда в глазах сильного и мощного мужчины штормит океан растерянности – это до невозможного мило?

Вот говорю ему это, но с большим трудом, потому что наконец различаю, что у него не только запах арабики, но и глаза кофейного цвета!

Не удерживаюсь и все-таки позволяю себе последнюю вольность.

Сделав вид, что поправляю на джинне рубашку, любуюсь кусочком черной татуировки – увы, она тянется так далеко, что рассмотреть ее полностью – это только избавить его от одежды.

– Да нет, – говорю, отступая от него с разочарованным вздохом, – у вас правда выходит неплохо.

Мне кажется, что шторм в глазах мужчины густеет и угрожает перерасти в ураган, но испугаться не успеваю. Слышу какой-то треск, стук, поворачиваю голову и вижу, как в комнату практически врывается Катерина, и выглядит она так, что вот здесь мне действительно становится чуточку страшно.

Взъерошенные волосы, которые будто долго перебирали пальцами, губы припухшие, в глазах такой лихорадочный блеск, что сейчас они напоминают два отполированных изумруда, но самое главное – блуза. Такое ощущение, что перья, которые щедро украшали ее горловину, вспомнили свою бурную молодость, загрузили и перешли в стадию линьки!

Довольно активную, кстати, потому что каждый шаг Катерины оставлял за собой маленький черный след.

– Что случилось?! – пугаюсь я.

– Нам пора, – поравнявшись со мной, она подхватывает мою дубленку и свою куртку, хватая за руку меня и в качестве прощания оставляет у ног джинна еще одно пушистое перышко.

За дверь мы практически выбегаем и тут же сталкиваемся со Светланой, успевшей заскучать у стены в коридоре.

– Наконец-то! – она бросает удивленный взгляд на блузу Катерины, но удерживается от комментария.

Честно говоря, мне кажется, ее больше волнует не то, что случилось с моей подругой, а то, как она могла довести дизайнерские вещи до такого убогого состояния. Но на этот раз я с выводами не тороплюсь.

– Идемте! – командует Светлана.

Мы успеваем сделать всего несколько шагов, как замечаем в проеме мужчину, который очень жаждал, чтобы мы его развлекли.

– Ух ты! – он восхищенно разводит руками и расставляет в стороны ноги, тем самым почти полностью перекрывая нам выход.

– Конфликты нам не нужны, – тихо бормочет Светлана и, вопреки воинственным уверениям Катерины, что она с готовностью потопчется каблуками по его ногам, разворачивается обратно.

– Каблуками... Хотя бы к сапогам прояви уважение, – слышу я возмущенный шепот нашего проводника.

Катерина бросает взгляд на юбку Светланы, но придраться там не к чему – даже разреза того уже нет. В полном молчании мы довольно скоро снова оказываемся в помещении с лампой и мрачным охранником. Нам дают пару минут на то, чтобы одеться, а потом выставляют на холод, обозревать все те же густые кусты.

Едва мы выбираемся на освещенную дорожку, и я открываю рот, Катерина качает головой и просит:

– Лучше не спрашивай!

Я честно держусь пару минут, пока мы безуспешно пытаемся поймать попутку в ночном городе и снова бросаю взгляд на подругу.

– Потом расскажу, – сдается она. – Сейчас я просто не в состоянии!

– Случилось что-то плохое? – выпаливаю я, замечая, что скоро мимо нас проедет машина полиции.

– Я бы так не сказала, – уклончиво отвечает Катерина.

Не вдохновленная ее ответом, я становлюсь впереди нее с твердым намерением все-таки остановить полицейских.

– Оля! – подруга вовремя хватается за руку и, когда я оборачиваюсь, тяжело вздыхает, еще чуточку медлит, а потом признается: – Если хочешь знать точно, это было порочно и феерично!

– Они что, при тебе...

– Нет, – она прячет взгляд за ресницами, – они при мне... и со мной.

И тут я понимаю, что мы с джинном в сравнении с развратными Алладинами и белокурой Жасмин вели себя более чем прилично! И совершенно не понимаю, почему Катерина прямо сама не своя – да, опыт необычный, но у кого хоть раз не возникало такой фантазии? К тому же, сейчас у нее отношений нет, так что она имеет право делать любые глупости. Хотя бы для того, чтобы потом, в глубокой старости, было не так скучно вязать носки для внуков и тапочки для кота.

– Я правильно понимаю, – заставляю подругу проговорить вслух то, что ее беспокоит, – ты «натирала лампу» одновременно двум Алладинам?

– Нет, – на ее губах наконец-то появляется улыбка, а глаза перестают рассматривать скучный асфальт. – Просто... мы целовались. Это было так неожиданно! Я была уверена, что они хотят это сделать между собой, а я только посмотрю и уйду, а потом...

– А потом? – подначиваю выкорчевать занозу из себя окончательно.

– А потом мы неожиданно увлеклись... – признается она, встряхнув головой. – До сих пор не верю, что я это сделала!

– Что тебя удивляет сильнее, – интересуюсь я с хитрой улыбкой, – то, что ты целовалась с двумя красавчиками или то, что сбежала от них?

Мы хохочем. И настроение ужасно прекрасное, на душе легко и как-то воздушно. Оно чем-то похоже на белый пушистый снежок, который принимается скрывать лед и участки дороги. И, конечно, позитив срабатывает как мощный магнит, и вскоре находится водитель, который не только нас подвозит, но и денег с нас не берет.

Мне кажется, что жалеть совершенно не о чем. Разве что, но только самую капельку... пожалуй, мне бы хотелось чуть продлить практику поцелуев с джином. И полностью увидеть его татуировку – это мой личный фетиш.

Но я решительно выбрасываю из головы эти мысли, потому что вне зависимости от того, что расскажет Илья, больше я в этот клуб ни ногой! Катерина со мной согласна, и мы даже находим два неоспоримых минуса, которые портят все волшебство заведения. Подруга ставит претензию, что там не водятся официанты. А я – что у них пахнет кофе только от джина!

– Кстати, – говорю я, когда мы поднимаемся по лестнице на третий этаж, – может, по кофейку? Отдохнем, расслабимся, посмеемся.

Катерина соглашается, предупреждает маму, что вернулась, но задержится у меня. В приподнятом настроении я открываю дверь в квартиру, и... снова слышу в ней посторонние звуки!

В полночь, на минуточку.

И когда Илья автоматически вычеркивается из подозреваемых барабашек.

Глава № 7

Ответ долго искать не приходится – мы только успеваем снять верхнюю одежду и переобуться, как из кухни с коварной улыбкой выходит моя бабушка. Окидывает нас внимательным взглядом, отмечая и неравномерное распределение перышек на блузе Катерины, и наше приподнятое настроение, и мгновенно сникает.

– Так, понятно, – вздыхает она, – вдвоем ушли – вдвоем и вернулись. Не зря я решила устроить вам мастер-класс.

– Ба, какой мастер-класс? – этому заявлению я удивляюсь больше, чем присутствию бабушки ночью в моей квартире.

– Мастер-класс на тему, как заинтересовать мужчину, – она выразительно косится на блузу Катерины, – если другие методы перестали срабатывать.

– Мы устали, – вздыхаю для убедительности, – выпьем по чашечке кофе и разойдемся спать. К тому же, Катерину родители ждут.

– По чашечке кофе я вам организую, – идет на уступки бабушка, и тут же придавливает авторитетом. – Катерина пусть позвонит родителям и скажет, что задержится или... у тебя заночует. Потому что тянуть дальше некуда. И переходим к мастер-классу, все-таки я готовилась, тоже устала, а на завтра перенести не могу – у меня другие планы.

– А с чего вдруг такая спешка? – пытаюсь отбиться, потому что подруга недоуменно отмалчивается.

– Потому что итак затянули, – поясняет бабуля, припечатывая нас строгим взглядом. – Тебе двадцать семь, Катерина всего на год младше. А в таком состоянии, когда тяжело и кажется, что невыносимо, урок лучше усваивается.

– Ученые с тобой бы поспорили.

– Судьба незнакомых ученых меня не волнует, – отрезает бабуля, – а вот за вашу еще можно взяться, случай не безнадежный. Мойте руки, переодевайтесь, и жду вас на кухне.

Категоричный тон бабули подсказывает, что Катерине предлагается дома пока даже не появляться. Она не столько вдохновляется мастер-классом, сколько заинтригована тем, что все это значит, а потому соглашается облачиться в домашние брюки и майку, которые я выдаю, и первой идет на кухню.

Моя надежда, что под мастер-классом подразумевается лекция на тему того, как хорошо и душа в душу бабуля жила с моим дедом, заметно пошатывается, стоит заметить на кухне две сковородки – с мясом и тушеной капустой, и кастрюльку с уже отваренным картофелем. Ну и окончательно надежда рассыпается прахом, когда бабуля ставит на стол огромный пакет с мукой и нравоучительно сообщает:

– Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Многие женщины об этом забыли, и теперь страдают.

Я со стоном сажусь на стул напротив подруги, и даже чашечка кофе, который бабуля делает очень вкусно, не радует, потому что я безошибочно узнаю эти слова из фильма «Самая обаятельная и привлекательная». Но вспоминаю не замечательный фильм, а то, как однажды, посмотрев его у бабули, решила последовать этому совету и поразить Вадика, своего одноклассника, который мне сильно нравился.

Бабуля меня поддержала, и под ее руководством я впервые испекла пирог с яблоками, а потом, краснея и заикаясь, угостила им Вадика. Ему пирог очень понравился, и в следующий раз я испекла для него лимонный кекс. Кекс Вадика тоже понравился, и вскоре мы начали с ним встречаться. Ну как встречаться – нам было по тринадцать, он иногда помогал нести мне рюкзак, я иногда делала за него домашку, продолжала угощать его чем-то вкусненьким, и мы пару раз сходили в кино, каждый на свои деньги. А еще он пользовался в классе авторитетом и

запретил Костику, который сидел позади меня, пытаться разрисовывать мою шею шариковой ручкой.

Я была уверена, что нравлюсь Вадику, мне даже снилось, что он признается в любви, но однажды я услышала, как он рассказывал другим девчонкам из нашего класса, что я для него так, не всерьез, и даже не нравлюсь, поэтому у них всех еще есть хорошие шансы.

– А почему же ты с ней? – поинтересовалась одна из девочек.

– Она классная повариха, – ответил Вадик, – а моей матери вечно некогда, она даже бутерброды мне в школу не делает.

Естественно, после этого я перестала приносить Вадику что-нибудь вкусное. Мне было интересно посмотреть: изменится ли что-то, если я продолжу делать за него домашку. Изменилось. Вадик, естественно, меня бросил, а желающих сделать за него уроки было хоть пруд пруди.

Других мужчин я не баловала – готовила, конечно, но без желания угодить и не возводя еду в культ.

– Ба, – говорю я, – ты же знаешь, мне этот путь не подходит.

– Но ты же не бросишь подругу! – восклицает она, а сама уже замешивает тесто и увлекает Катерину беседой.

Она быстро понимает, что та больше реагирует не на историю о том, как бабуля жила с дедулей, а на то, какие у них получились внуки, и с готовностью делится воспоминаниями. Кажется, у Катерины все-таки появится равноценный компромат из детства Ильи, потому как бабуля акцент делает именно на нем.

Я слышала от мамы, что когда-то бабуля ставила на путь истинный даже мальчишек, которые стояли на учете в милиции. Раньше в это не верилось, так как я с трудом себе представляла трудных подростков на уроках хореографии, но талант убеждать, вселять надежду и дергать за верные струны у бабушки есть.

Никогда не замечала за подругой такого рвения к кулинарии, а здесь и пятнадцати минут не проходит, а она уже всю лепит вареники и пельмени.

Взглянув на объем начинки и теста, понимаю, что мне ничего не остается, как присоединиться. И с интересом посматриваю на Катерину – на сколько же хватит ее терпения? Бабуля садится с нами, теперь мы работаем в три руки, но к Катерине она приглядывается с иной целью: а не добавить ли еще начинки, если человеку так нравится?

Я оцениваю терпение подруги примерно в час, и угадываю. Сначала она начинает ерзать, потом вздыхать, потом с надеждой посматривать на бабулю, а потом, взглянув на количество уже готовых вареников, решается:

– Изольда Матвеевна, мне кажется, что этого уже хватит. Любой мужчина наестся.

– Что еще раз доказывает, как плохо вы знаете мужчин, – парирует неумолимая бабушка. – Да моему внуку все это на один раз! И потом, тесто лучше не оставлять.

Моего терпения хватает на полчаса больше, к тому же, неукоснительно клонит в сон, а понравиться Илье и его бабушке у меня цели нет, поэтому я тоже делаю попытку вырваться.

– Ба, ни у Катерины, ни у меня сейчас серьезных отношений нет, кормить мы никого, соответственно, не собираемся. А есть самим... для фигуры вредно.

– Вареники и пельмени можно долго хранить – это раз. Во-вторых, сейчас очень популярно участвовать в благотворительных акциях и социальных программах, а вы помогаете пенсионеру, то есть, идете в ногу со временем. Ну а что так поздно... Это уже не ко мне. Ну и что касается фигуры. Оля, вот если бы ты не бросила балетную школу... – заводит старую песню бабуля, – ты бы могла так сильно переживать. Да я бы и сама не позволила тебе так долго находиться рядом с соблазном! Мы бы с твоей подругой сами управились, а так...

А так из кухни мы выползаем еще через два часа.

Итогом нашей работы становятся 150 пельменей и 223 вареника с разной начинкой, обещание бабули поделить все по-честному, а еще ноющая спина и единственное желание – лечь! Никаких других мыслей.

И, мне кажется, я, наконец, узнаю секрет того, что такого делают две бабушки с хулиганом Витькой, что утихомиривает его аж на пару недель.

А может, еще и шантажируют, что расскажут его друзьям-хулиганам. Н-да, бедный Витька, у него ни единого шанса сбиться с пути. Тут одна бабушка, а когда сразу две...

Все, на что мне хватает сил – пожелать спокойной ночи бабуле, которая решила заночевать в гостиной.

– Я же просто за шляпкой зашла, – наконец поясняет она свое внезапное появление. – На улице снег. Вот завтра утром надену ее и уйду к себе. Спокойной ночи, девочки. Уверена, с мужчинами у вас все получится. Катерина, ты пока вареники сохрани. А ты, Оля, в понедельник возьми с собой на работу, побольше, угостишь новых коллег.

– А вдруг в их планы не входило толстеть перед Новым годом? – интересуюсь я.

– Мужчин такая ерунда не заботит, – отмахивается мудрая бабушка. – А на женщин ручную работу не переводит.

Я уже почти ухожу в комнату, когда слышу щедрое предложение:

– Кстати, если хотите попробовать вареники с тестом по другому рецепту... я бы могла...

– Ба, не меняй ради нас свои планы!

Я поспешно сбегая в свою комнату, где на моей кровати уже почти спит Катерина.

Места много, в детстве мы это уже практиковали, так что я со стоном укладываюсь на ту же кровать у стены. И только у меня появляется мысль сожаления кое о чем, как я слышу сонный, тихий голос подруги.

– Отдохнем, расслабимся, посмеемся? – припоминает слова, с которыми я заманила ее на чашечку кофе, а потом продолжает с усмешкой. – Ты настоящий друг, Оля. Спасибо, что бросила свой балет!

И я тут же отбрасываю малодушную мысль, которая пыталась подкрасться ко мне, потому что жизнь прекрасна, и я снова ни о чем не жалею.

И даже улыбаюсь, стоит только представить, как завтра утром бабуля (а она к стыду петухов просыпается раньше них) будет делить пельмени поштучно и разбираться, какая из двух одинаковых шляп та самая, которая вместо зонта.

Но бабушка решает вопрос кардинально: в морозилке я обнаруживаю два небольших пакета с пельменями, два с варениками, в коридоре отсутствие сразу двух шляп и записку у зеркала.

В ней бабушка сообщает, что часть вареников перейдет к ее соседке, Матильде Петровне, потому что именно она когда-то поделилась секретом этого чудесного теста. Так же она обещает, что как только наши запасы закончатся, она повторит мастер-класс. И в конце сердечно благодарит меня за обновку.

Тихо радуюсь, что у того паренька ни единого шанса пересечься с моей бабулей, а то как-то неловко: получается, что раздев его, я одела сразу троих человек.

– Н-да... – тянет задумчиво Катерина, прочитав записку вместе со мной.

И тут же клятвенно дает свое обещание – ее пакеты с варениками и пельменями ожидает вечная заморозка!

Мне, чтобы не отставать от компании, тоже приходится что-то пообещать, и я громко сообщая, что организую нам вкусный завтрак.

– У меня до сих пор пальцы дрожат, – подруга протягивает ко мне свои страдающие конечности, пока мы пьем кофе.

Но я отмахиваюсь от них в пользу горячего бутерброда и заявляю, что ей смело можно было идти не в маркетингологи, а в хирурги. Ни намека на тремор, несмотря на количество спиртного вчера.

– И вообще, – продолжает задумчиво Катерина, не огорченная моей черствостью, – я поняла, что не готова к серьезным отношениям.

– Это из-за бабушки? – интересуюсь я.

– В том числе. Просто не могу представить того мужчину, ради которого я буду готова разморозить эти пакеты, – она с усмешкой кивает на свою порцию вареников. – А уж повторить этот подвиг...

Катерина принимается перечислять преимущества свободных, ничего не обязывающих отношений, в числе которых упоминает и поцелуи, и даже сразу с двумя, и даже с геями, если так хочется.

И вот здесь я задумываюсь: интересно, а тем геям из клуба тоже хотелось поцеловаться или они делали это просто так, по работе?

Настроение почему-то портится, и после ухода Катерины я достаю холст с картиной по номерам, над которой сейчас работаю... вернее, которую сейчас раскрашиваю, и с легкой завистью обвожу кистью очередной шедевр Ричарда Макнейла. У него удивительные картины – простые на первый взгляд, но глубокие, отражающие кусочки чьей-нибудь жизни.

Одна картина, которую я раскрасила, висит в доме у бабушки, несколько перекочевали на дачу к родителям, эту, с дождливой улицей Лондона, красными автобусами и людьми, спешащими по своим делам, несмотря на погоду и серую красоту вокруг, я обещала подарить брату. В очереди после него Катерина.

Кстати, о брате. Тот, кто вчера так обо мне волновался, сегодня даже не проявляется. Наверное, Светлана уже отчиталась, что спасла нас и все такое. Понять бы еще: от чего. Не считая того мужчины, который, по-моему, перебрал с выпивкой, ничего страшного не было. Более того...

Так, все, пишу.

Раскрашиваю, – поправляю себя.

Отвлекаюсь на звук сообщений в вайбере, и только теперь замечаю, что уже вечерет и успела проголодаться. Первые сообщения – это новые фотографии Мексики от Толика, и, видимо, он случайно выбрал не те спецэффекты, потому что одна фотография вставлена в рамочку из сердечка, а ко второй два сердечка приставлены сверху, в углу. Впрочем, на втором снимке увековечены какие-то бургеры и бутылка пива, так что, пожалуй, здесь сердечки уместны. В эту любовь я верю легко.

Другое сообщение от Ильи. Тоже весьма лаконичное: картинок нет, есть короткое сообщение.

«Хорошо, что все обошлось, а то у меня чуть инфаркт вчера не случился, когда узнал, что моя сестра в таком клубе».

Хмурясь из-за двойных стандартов, немедленно набираю ответ:

«Поверь, это был ложный симптом. У меня в таком клубе уже три года находится брат, и мы оба пока что живы».

В ответ мне приходит два смайлика и обещание серьезно поговорить сразу по возвращению. Мне не горит, в тот клуб, будь у меня еще одно приглашение, я все равно не пойду, так что на звонке сейчас не настаиваю.

И потом, вряд ли человеку хочется думать о работе на отдыхе, а вот мне...

Поужинав, снова принимаюсь за картину, но мыслями далеко, отвлечься больше не получается. То и дело представляю лица людей, который работают себе много лет в одной компании, ни о чем не подозревают, а тут неожиданно появляюсь я! И запускается обратный отчет,

пока у них еще есть привычное рабочее место, стабильная зарплата и, возможно, хороший и дружный коллектив, как расписывала бабуля.

Честное слово, я чувствую себя палачом. И, наверное, как и он, надеюсь на то, что узник за ночь сбежит или скончается сам.

Но утром, приехав по указанному адресу, смотрю на громадное офисное здание, уверенно сверкающее черными стеклами, и понимаю, что чуда не произошло.

Хотя, с учетом, что офис находится практически в центре города, в одном из самых элитных бизнес-центров, а зарплата даже у помощника бухгалтера у них в три раза превышает среднюю зарплату по рынку, с финансами у них все в порядке.

В надежде, что на этот раз обойдется, и я не стану причиной плохих известий, выдыхаю и захожу внутрь черного монстра.

И даже черный кот, выбежавший из-под дорогого авто и стремительно пробежавший у меня перед носом, не портит моего оптимистического настроения.

Будем считать, что я не верю в приметы!

Глава № 8

Едва внучка переступила порог, Изольда Матвеевна сразу отметила, что у той на лице горят только щеки, да и те от мороза. А глаза, как были спокойными неделю назад, так и остались.

Казалось бы, новые знакомства, новый коллектив, где есть мужчины, которых так расхваливал Костик! А что в итоге? Безрадостный как-то итог.

– Привет, ба, – Оля чмокнула Изольду Матвеевну в щеку, поставила на пуфик пакет с продуктами и пока раздевалась, не могла видеть, как бабушка боролась с подступающими слезами.

А как здесь не загрустить? Это же так приятно, когда у тебя есть дети, внуки и когда кто-то ласково говорит тебе «ба» и заботится о том, чтобы ты попробовал что-то вкусненькое. А у Оли, если и дальше медлить, может всего этого не случиться, и будет к ней приходить только социальный работник. Не по зову сердца, а за зарплату от государства. И принесет не то, что хочется, а хлеб и пакет молока. Про хорошее, дорогое красное вино даже не спросит!

– Ба, ты чего такая расстроенная? Ты что, плачешь? – Оля обняла бабушку, заботливо заглянула в глаза, и совсем уж расстрогала.

– Это от ветра, на улицу выходила, – отмахнулась она и, прихватив бутылку вина, ушла на кухню, стараясь взять себя в руки.

В конце концов, она могла и поторопиться с выводами.

Вот сейчас внучка сама расскажет, если что хорошее было, откроется непременно, и тогда...

Спустя полчаса Изольда Матвеевна сжимала в руке чашку с остывшим чаем, с тоской поглядывала на бутылку вина, для открытий которой просто не было повода, слушала рассказ внучки и новой работе и изо всех сил сдерживала зевки.

Подумать только!

Она целую неделю проявляла силу воли, не являлась с внезапными визитами к Оле, не звонила, даже не воспользовалась безотказным маневром, хотя и могла сказать, что у нее давление, в манометре барахлят батарейки, а она с трудом различает, где плюс, а где минус. И что в итоге?

Один сплошной минус, и глухому понятно!

Н-да... целая неделя впустую. А ведь так может пройти год. Или годы.

Какая тоска, мать Божья. С каждой минутой сдерживать зевки становилось сложнее. Глаза Изольды Матвеевны просто слипались от такого жизнеописания. И это ведь жизнь молодой девушки! Дом – работа – посиделки с подругой – отчет по вареникам – снова работа.

Если бы так проходила ее жизнь, Изольда Матвеевна и до пенсии бы не дожила. А внучка, самое главное, не расстраивается. И не собирается что-либо менять. По всему видно, ей по душе это тихое болото. Но самое печальное, и Изольда Матвеевна это отчетливо понимала, что это она, лично, отправила любимую внучку в эту трясиину!

Охо-хо...

Изольда Матвеевна снова попыталась сосредоточиться на словах внучки и выудить хоть какой-то намек на те самые перспективы, на то, что ожидание и терпение не были зря.

Итак, Оля сообщила, что компания, в которой она теперь работает, занимается производством и поставками воды по всему городу – как в больших бутылках, так и в полторалитровых бутылках. Название красивое – «Волшебный источник». Офис в центре города, добираться удобно. Директор, а по совместительству и хозяин компании – Константин Викторович, на вид строгий, на деле требовательный, но Оля видела его только раз, когда устраивалась на работу. Непосредственная руководительница – главный бухгалтер Марья Ивановна, женщина

интересная, в возрасте за пятьдесят, неплохая, хотя и со своими странностями. Отличительные черты ее – ответственность, любовь к профессии и почти мужские усы.

С работой, которую ей поручили, Оля справлялась. Нареканий со стороны Марьи Ивановны не было. Казалось бы, все в порядке, но...

Нарекания имелись у Изольды Матвеевны!

Из всего офисного коллектива, с которым иногда Оля пересекалась, мужчин было всего двое! Нет, где-то там, на складах, водились водители, экспедиторы, кладовщик и грузчики, но с бухгалтерией они поддерживали контакт только по телефону. Так что сразу из кандидатов вычеркивались – отношения на расстоянии нереальны.

Значит, рассматривать можно только компьютерщиков. Да, директор по статусу подошел бы лучше, но он даже старше усатой Марьи Петровны, жена с ним развелась не по причине его старения, в этом Изольда Матвеевна была глубоко уверена, а из-за частых измен. Помнится, он еще в подростковом возрасте проявлял повышенный интерес к женскому полу, а уж потом вообще себя не жалел. Изольда Матвеевна вообще была уверена, что он вряд ли когда-то остепенится, но он удивил. Жена была хорошенькой, милой, но куда ей до тех вертихвосток, которые крутились вокруг перспективного мужчины с собственным бизнесом?

Нет, Оле он не подходит. Вечная конкуренция, да и разница в возрасте. Пусть за него конкурируют горничные и, если не образумится, работники социальной службы. Тут бы кого-то спокойного, надежного, положительного и подходящего возраста.

– И что эти компьютерщики? – поинтересовалась Изольда Матвеевна, устав слушать о первичной документации.

В ее возрасте уже поздно осваивать бухгалтерию. К тому же, с нее хватает изучения иностранного языка на онлайн-курсах два раза в неделю и обучения в клубе танцам тех, кому уже несколько раз перевалило за тридцать.

Итак, один компьютерщик главный, второй статусом мельче – администратор. Внучка пару раз приходила к ним с какими-то документами, накладными, а те их подписывали за пару секунд и тут же возвращались к своим экранам.

То есть, получается, ничего прекрасней техники они возле себя даже не замечали?!

Сначала Изольда Матвеевна возмутилась такому поведению и изумилась равнодушию Оли, а потом узнала, что у этих двоих отличительные черты – борода и длинные волосы, и тоже стала к ним холодна.

Нет уж, мужчины с длинными волосами больше не вызывали у нее доверия. Хватит с их семьи Толика. Такие мужчины ветрены, ненадежны, никогда не знаешь: прячут ли они где-нибудь мотоцикл, на котором однажды могут уехать. И потом, на них шампуня не напасешься!

Устав ждать, когда внучке надоест сидеть в гостях и можно будет сделать важный звонок, Изольда Матвеевна не выдержала.

– Я на минуточку, – сказала она Оле, подхватила мобильный телефон и скрылась в комнате, чтобы устроить разборки с тем, кто тоже приложил руку к ее печали сегодня.

На вызов долго не отвечали, а потом все же послышался мужской вежливый голос, вроде бы с нотками искренне радости. И если Изольде Матвеевне не показалось (а ей пока ничего лишнего не мерещится) с намеком на ожидаемую благодарность.

– Добрый вечер. Ждал вашего звонка с нетерпением, – сказал директор компании «Волшебный источник».

– Добрый, Костик, – вздохнула Изольда Матвеевна и прямо поинтересовалась у него наболевшим. – Ты мне скажи – у тебя в компании из волшебного только название или как?

Такого поворота событий Константин Викторович не ожидал. Справившись с изумлением, он быстренько отпустил логиста, который сидел у него с отчетом, даже сделал вид, что не услышал его облегченного вздоха, и только после этого вернулся к беседе.

– Изольда Матвеевна, у нас отличная вода, – немного обиженно протянул он, потом быстро подвинул к себе с края стола рекламный буклет компании и с выражением зачитал: – Наша вода – это высококачественный продукт, со сбалансированным минеральным составом! Изготовлена в соответствии с мировыми стандартами качества. Предназначена для ежедневного употребления. Наша вода – это легкий и приятный способ позаботиться о себе, ведь от качества воды зависит ваше здоровье!

– Отложи шпаргалку, Костик, – попросила Изольда Матвеевна, которая видеть его не могла, но очевидно не забыла о прошлых поводках. – Сейчас мое здоровье зависит исключительно от тебя!

Константин Викторович тоже многое помнил, умел быть благодарным, и именно поэтому без уговоров согласился устроить в свою компанию внучку Изольды Петровны. И был готов помочь и сейчас – что надо сделать? Купить, достать и лично привести импортные лекарства? Легко. Для женщины, которая немало сделала для него в свое время.

– Ай, Костик, – отмахнулась Изольда Матвеевна, вместо того, чтобы раскрутить его на деньги и внимание, как делали современные женщины из ближайшего окружения директора компании. – Дело не в этом. Ты мне что говорил? Что обещал?

– Аванс вашей внучке еще рано выплачивать, – недоуменно ответил он, припоминая свои обещания. – Через неделю получит. У нас все по-честному. Компания постоянно растет, так что...

– Это усы у твоего бухгалтера постоянно растут, – прервала его Изольда Матвеевна и наконец выразила то, что ее так расстроило. – А мужчин в офисе всего двое! Да и те... влюбленные в ЭВМ!

Константин Викторович, услышав такое название современным и дорогим компьютерам, на минутку предался ностальгии, и это позволило ему не вспылить, а прислушаться к тому, что говорила женщина.

– Моя внучка – нежный цветок, бывшая балерина, пишет изумительные картины! Она утонченная натура, не привыкла расхаживать по этим развратным ночным клубам, не вешается на шею мужчинам, не целуется с первым встречным, поэтому ей иногда тяжело в этом жестоком мире, – сказала Изольда Матвеевна.

Вообще, она так трогательно и с такой душой говорила о девочке, что директор компании не смог ее перебить. Даже легкая зависть мелькнула – надо же, как она внучку любит.

Да, говорят, внуков любишь сильнее детей, вкладываешь в них душу. Говорят... Приходилось полагаться на слухи, потому что от своих балбесов разве дождешься пополнения в семье, чтобы проверить?

Конечно, менять памперсы он бы не смог – но финансово помогал бы точно, баловал бы, позволял сидеть у себя на колене, катал бы на спине, пока та еще может выдержать. Так нет же, скорее всего, внуки появятся тогда, когда он сможет катать их уже в инвалидной коляске и из-за слабого зрения к тому возрасту даже не сможет определить: а своего ли внука ему подкинули, или кто из соседских захотел проехаться с ветерком?

И вот чем дольше Изольда Матвеевна расписывала, как хочет дожидаться правнуков, тем тоскливей становилось Константину Викторовичу, что у него нет даже внуков!

А ведь сыновья у него видные! При деньгах! И, в отличие от внучки Изольды Матвеевны, не ранимые одуванчики, там даже со счета можно сбиться сколько раз у них с женщинами заходило дальше, чем поцелуи. Даже с первыми встречными. И что в итоге? Ни одна еще не пришла с животом и требованием выплатить компенсацию за испорченную фигуру.

Хотя...

Тьфу-тьфу...

С учетом, какая сейчас пассия у старшего сына... Она готова за раз и тройню родить, лишь бы заполнить обручальное колечко на палец. И вроде бы внешне она симпатичная, и по

статусу сыну подходит, и в постели его устраивает, раз он ее при себе держит, но видеть ее в невестках Константин Викторович никак не хотел. Такая оттяпает все состояние, не раздумывая и без угрызений совести. И вообще, хватило одной встречи, чтобы почувствовать от нее какой-то душевный холод, что ли.

Жаль, если сын попадется. Хотя вроде бы не дурак, но может случиться осечка, что уж. Сам так женился. Нет, будущую жену он тогда любил, но не до такой степени, чтобы по доброй воле прогуляться до загса.

А Фролу может и с чувствами не повезти. Что-то он давненько не слышал, чтобы сын о какой-то женщине говорил с теплом и симпатией. А сын его, как никто другой, счастья достоин. Да и годы идут, права Изольда Матвеевна...

И вдруг Константина Викторовича осенило!

Нет, конечно, может не получиться. И вообще он не сторонник подобного, но мало ли?

Ну а что если это судьба? Ведь именно к нему обратилась Изольда Матвеевна и именно у него просит помощи и сейчас, как будто он гоняет не сотрудников компании, а как минимум купидонов.

– Слушайте, – начал он с долей сомнения, – возможно, у меня есть мужчина, с которым не стыдно познакомить вашу утонченную внучку.

Мысленно Константин Викторович приготовился к вопросам на культурную тему, и даже успел припомнить, что когда-то у сына на телефоне стояла мелодия Моцарта, пусть и в современной обработке панк-рока.

– А прическа у него аккуратная? – поинтересовалась Изольда Матвеевна.

Шок.

Потому что это был самый неожиданный и в то же время самый простой вопрос.

Константин Викторович подвинул к себе поближе фотографию, на которой он на рыбалке был запечатлен с двумя сыновьями. Макар слишком молод для Ольги, сам Константин Викторович предпочтение отдавал блондинкам и с чуть меньшими цифрами в паспорте, а вот Фрол...

Для него цвет волос у женщины значения не имел – это раз, девушка младше него на пять лет – это два. На данном этапе такая разница отлично зайдет. Это потом, с годами, тянет к цифрам все меньше и меньше, чем у жены.

Так, и самое главное – несколько лет назад Фрол раз и навсегда сбрил свои прекрасные белокурые волосы. И теперь идеально проходил в первый тур отбора, устроенный Изольдой Матвеевной!

Непонятно только, почему для нее так важна именно аккуратная прическа – про аллергию на шерсть животных он слышал, но мало ли еще какая встречается? Или это предпочтения Ольги? В любом случае, все совпало удачно.

– Очень аккуратная прическа, – заверил он женщину, любуясь лысиной сына. – Ни один волосок с головы не упадет.

– Сколько ему лет?

– Тридцать два.

– Затянул он с серьезными отношениями. Прямо как моя внучка. Давно пора о семье подумать, – посетовала Изольда Матвеевна. – А чем он занимается?

– Ну...

И тут Константин Викторович вспомнил небрежное упоминание «развратных клубов», на секунду растерялся, как признаться, что Фрол – владелец такого «разврата». А потом припомнил, что когда-то давно начинал карьеру с менеджера по продажам, успешного менеджера по продажам, и потому почти не солгал, а просто представил правду в ином свете.

– Он владелец двух заведений... там можно хорошо, душевно отдохнуть, вкусно поесть... Я бы сказал, что это самое безопасное и спокойное место в городе. Никогда никаких конфлик-

тов, скандалов, все для клиентов. Атмосфера просто чудесная, радостная, веселая, всем всегда хорошо.

– А возраст посетителей там какой? – с подозрением поинтересовалась Изольда Матвеевна.

Константин Викторович даже решил, что где-то он прокололся, но дело было в другом. По описанию эти заведения уж слишком напоминали клуб, в котором Изольда Матвеевна давала уроки по танцам. Не хватало там еще ее внучке бывать! Нет, если ничего не предпринять, вполне вероятно, что такое будущее возможно. Но пока есть все шансы помочь.

– Эм... юный, весьма юный, – после недолгой паузы ответил Константин Викторович.

– А вот это уже интересно! – голос Изольды Матвеевны потеплел, и на душе у директора тоже стало светлее. – Давайте попробуем! Как только я получу согласие от внучки, я вам перезвоню!

– Буду ждать. А я пока со своим... кандидатом поговорю.

Оба расстались крайне довольные разговором. Константин Викторович отложил разговор до завтра, когда сын придет на ужин. А вот Изольда Матвеевна не откладывала. Да и зачем? Внучка ведь здесь!

– Оля! – вернувшись на кухню, она улыбнулась и нетерпеливо поделилась предстоящим счастьем для внучки. – Как ты смотришь на то, чтобы познакомиться с интеллигентным владельцем сети детских кафе?

Глава № 9

На знакомство вслепую я смотрю отрицательно, и чем дольше бабушка описывает положительные черты этого молодого человека, тем больше я убеждаюсь, что это не для меня.

Мой отказ от встречи приводит сначала к недоумению, а потом и к легкому шантажу: бабушка заявляет, что у нее от расстройства вот прямо сейчас поднимается давление. Не паникую. Иду в ее комнату и возвращаюсь на кухню с манометром и таблетками.

– Полегче уже, – отмахивается бабушка, прекрасно зная, что просто так пить лекарства чревато.

Вместо таблеток для успокоения она выбирает для нас по бокалу вина, выдерживает пару минут и, решив, что теперь я в более благостном настроении, снова описывает мне потенциального кавалера. И детей любит, раз у него такой бизнес, а значит, хочет своих, созрел для этого; и возраст для меня подходящий, и прическа у него аккуратная. На последнем моменте бабуля особенно акцентирует внимание, даже показывает мне руками, как это выглядит – скорее всего, нечто прилизанное с большим количеством геля.

– Ба, не старайся, я не прониклась, – говорю, насмотревшись на пантомиму, – Чарли Чаплин никогда не был моим фаворитом.

На какое-то время бабушка оставляет неприятную тему, просто громко и долго вздыхает, а когда на кухне образуется тишина, я невольно напрягаюсь, ожидая подвоха. И оказываюсь права.

– Ну хорошо, – говорит моя любимая бабушка, – раз ты завтра ничем не занята, опять полепим вареники.

– У меня еще есть!

– У меня тоже, – отмахивается она. – А вот у Матильды Петровны закончились. К тому же, я хотела угостить еще пару соседок, они позволили украсть у них отростки красивых цветов, так что... И Катерину твою позовем. Мне кажется, ей понравилось.

Бабуля принимается перечислять, с чем вареники будут на этот раз, и я понимаю, что тремя часами не обойдется. А еще понимаю, что Катерина, конечно, придет, не бросит меня, но вряд ли будет мне благодарна. Ну и самое главное, я отдаю себе отчет в том, что это тот же шантаж. И да, я могу отказаться, могу придумать массу причин для этого – ту же поездку к родителям за город.

Но бабушка у меня одна.

И я не хочу когда-нибудь сожалеть, что отказала ей в таком пустяке. А так бывает, я знаю. Увы, но часто, когда уже невозможно что-то исправить, невозможно вернуть человека, хочется подарить ему целый мир.

– Ба, – говорю я, едва фантазия бабули доходит до вареников с замороженной черникой, которую она бережет исключительно для компотов, – хочу, чтобы ты понимала: я просто на него посмотрю.

– Конечно! – у нее даже глаза загораются. – Это ни к чему тебя не обязывает. Посидите, выпьете по чашечке кофе. Просто... мало ли? Ну а вдруг, Оль, это твоя Судьба, а ты ее даже увидеть не хочешь!

В то, что это Судьба, я, конечно, не верю, но полчаса в кафе – это в любом случае приятней, чем три часа возни с тестом. К тому же, у меня есть план, как свести возможные неприятные моменты до минимума.

На этом и расстаемся.

А в воскресенье меня будит звонок телефона, и радостный бабушкин голос сообщает, что меня ждут сегодня в 10,00, в модном кафе «Че Гевара», и столик в дальнем углу, у окна, самый

престижный, уже заказан ответственным молодым человеком. И, кстати, он очень просил не опаздывать.

Стараниями бабушки я лишний раз убеждаюсь, что сегодня меня ждет просто незабываемое знакомство. Жаворонок, сноб и педант с прилизанными волосами! Нет, если это Судьба, лучше уж вязать тапочки для кота.

– Потом обязательно загляни ко мне, – просит бабуля, – обсудим, порадуемся. Все равно рано освободишься.

Это точно.

Даже если я захочу выпить литр кофе, в любом случае до обеда буду свободна, так что обещаю легко.

Кое-как спихиваю себя с кровати, смотрю на часы, прикидываю время, которое понадобится, чтобы добраться до кафе и понимаю, что этот новый знакомый сам виноват, что увидит меня аля-натурель. Облачаюсь в обычные джинсы, наугад беру легкий свитер – помимо V-образного выреза в нем нет ничего особенного, даже серый цвет отражает мое настроение, и выдвигаюсь на встречу.

К счастью, мне удастся приехать первой. Я понимаю это, когда вижу свободный столик в дальнем углу и табличку «зарезервировано».

Отлично!

Вот только я располагаюсь не за этим столом, у окна, а за параллельным ему, у стены. И нет, меня не мучает совесть, потому что обещание бабушке я не нарушаю. Несмотря на то, что почти все столики заняты, тот остается свободным, а отсюда обзор превосходный.

Все, что надо, увижу.

Я просто избавляю и себя и мужчину от натужной беседы и неловкого расставания.

Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, я заказываю кофе, а когда беру чашку в руки, замечаю, как слегка подрагивают мои пальцы. Непонятно, почему, но я волнуюсь, как будто и правда пришла на свидание, причем с мужчиной, который мне нравится.

На удивление, людей в кафе много, и постепенно занимают все столики, кроме того самого, у окна. Все же взглянув на часы, даю педанту лишние пять минут и отсчитываю секунды, почему-то продолжая все больше нервничать. А потом звякает колокольчик, открывается дверь, и я вижу его.

Мужчину, который мне нравится.

Того самого джинна, из клуба.

Он хмурым взглядом обводит помещение кафе, едва заметно улыбается, словно рад тому, что все столики заняты. И уже разворачивается обратно к двери, когда замечает меня.

Секундная заминка, прищуренный цепкий взгляд, и вот он уверенно направляется к моему столику. Я поспешно пытаюсь придумать, что можно сказать, что нужно сказать после такой странной встречи, которая у нас с ним была, что уместно сказать, но...

Единственное, что я успеваю – это спрятать руки, чтобы не было видно, как сильно они дрожат.

Джинн без лишних реверансов занимает место за столиком, расслабленно откидывается на спинку стула, сканирует меня взглядом и, убедившись, что я тоже его узнала, говорит вместо приветствия:

– Солнце, порадуй меня в это унылое утро. Скажи, что ты сегодня без трусиков.

И все-таки хорошо, что у него другая ориентация. В ином случае я бы краснела, бледнела, возможно, отводила глаза, потому что первая наша встреча была довольно экстравагантной и жаркой. А так секундное замешательство, напоминание себе, что то, что было, не повторится, и я снова могу говорить.

– Это фетиш у тебя?

– Не запомнила, – притворно вздыхает он. – Это мои правила, мои предпочтения.

Он выглядит так, будто действительно расстроен тем, что его правила нарушаются так небрежно и без толики покаяния, и мне становится невыносимо смешно. А еще я вдруг понимаю, что больше не нервничаю.

– А мои предпочтения ты запомнил? – спрашиваю с улыбкой.

– Тренировался всю эту неделю, – отвечает он без запинки, чуть понижает голос, от чего хрипотца становится особенно сексуальной и, подмигнув, предлагает. – Может, проверишь?

Смеюсь. И с удовольствием замечаю улыбку.

Мне нравится, как он на меня смотрит.

Нравится смотреть на него в ответ.

И мне нравится, что с его приходом запах арабики в моей чашке становится более пряным, с ноткой корицы.

Видный мужчина, и прекрасно знает об этом. Черная куртка небрежно распахнута, позволяя рассмотреть не только белый свитер, но и очертания фигуры. А еще эти цепочки с амулетами...

И ему идет его лысина.

И все же я краснею, когда он ловит меня том, что я долго его изучаю. Чтобы быстрее успокоиться, убеждаю себя, что он для меня безопасен. Это как общение с женатыми – без вариантов, табу.

И можно не переживать, что он видит меня без косметики, с хвостом на голове и в обычных джинсах и свитере. Можно не переживать, и все же я сожалею об этом.

Если бы не этот владелец детских кафе, который не дал времени на нормальные сборы...

Невольно смотрю на столик у окна, это же делает мужчина напротив меня, а потом мы снова встречаемся взглядами.

– Так как, – он непринужденно накрывает своей ладонью мою, – примешь экзамен?

А мне и смешно. И не очень. И я не могу придумать какой-то ответ.

Потому что он начинает скользить пальцами по моей ладони, и в какой-то момент мне кажется, что он говорит всерьез. И верит, что мы действительно можем вместе выйти из кафе, поддаться безумству, а потом опять затеряться на улицах мегаполиса.

И я неожиданно ловлю себя на мысли, что мне бы хотелось это попробовать.

Помимо того, что он меня физически привлекает, приятно щекочет нервы мысль, что я для него исключение. В его вкусе мужчины, есть даже постоянный партнер, а здесь...

Кому не хочется быть особенной? Тем более для такого, как джинн. Пусть и всего один раз.

И потом, для чего эти случайные встречи? А если действительно это знак свыше. Нет, не Судьба: мы ходим слишком по разным дорожкам, и все-таки...

Ведь почему-то мы оба здесь, и в данный момент совершенно свободны...

– Ну что ты решила, Солнце, – слышу голос, который медленно, но безжалостно снимает с меня блок за блоком из правил, приличий и воспитания. – Посмотришь, что я могу? Согреешь меня?

Он продолжает поглаживать мою ладонь, как будто действительно греется.

Я выдыхаю.

Еще раз смотрю на пустующий у окна столик. Ищу слова для мужчины и одновременно прокручиваю оправдания для себя. Потому как... это ведь будет даже не поцелуй, я отчетливо понимаю. И поцелуй сразу с двумя незнакомцами, как у Катерины, покажутся детской забавой по сравнению с тем, что предлагает мне джинн...

Это какое-то безумие, наваждение, и, скорее всего, у меня температура и жар, но я практически вижу, как сажусь к нему на колени, тяну цепочки на его шее, чтобы его губы стали ближе к моим, разделенные лишь дыханием...

Признаю, мне хочется впитать в себя этот запах арабики, хочется увидеть, как его карие глаза становятся черными, если провести пальцем по кадыку, спуститься вниз, пройтись по татуировке, очертить его пресс и бесстыдно расстегнуть его брюки...

И в то же время, я никогда себе такого не позволяла.

Никогда.

Хотя, может, как раз в этом проблема?

Что я вообще позволяла себе?

Все время запреты, условности, чужие желания.

Хватаю чашку свободной рукой, делаю глоток остывшего и безвкусного кофе, терзаюсь сомнениями, желаниями, веду мысленную борьбу, и вдруг все снова решается за меня.

Колокольчик сообщает о новом посетителе, я перевожу взгляд на дверь, чтобы дать себе еще секундную передышку.

И вижу, того самого парня, который побывал у меня ночью в гостях.

Он явно не в настроении, но едва замечает джинна, расплывается в невозможно милой улыбке. Такая незамутненная радость. А еще он улыбается мне, и приветливо машет рукой, идя в нашу сторону. Не подозревая о том, что предлагала мне только что его половина, побитая жизнью, и на что я только что едва не дала согласия.

– Нет, прости, – я высвобождаю ладонь, поднимаюсь под недоверчивым взглядом мужчины и успеваю подхватить с вешалки свою дубленку, когда меня настигают вопросы.

– Я тебе испугал? Говорил слишком открыто? Или ты из тех, кто без единой попытки сближения рассчитывает сразу на загс и кольцо? Можешь объяснить свое «нет»?

Я медленно выдыхаю, чтобы успокоиться. Мелькает мысль уйти без каких-либо объяснений после пренебрежительного упоминания моих расчетливых планов. Но лучше хотя бы на этой встрече поставить не трюеточие, а уверенный восклицательный знак.

– Мне понравилось, что ты говорил открыто. И нет, на загс и кольцо я с тобой не рассчитывала, даже если бы наша попытка сближения оказалась успешной.

– Даже?! – кажется, он не верит своим ушам.

– И потом, – игнорирую его уязвленное самолюбие, – у тебя уже есть человек, который с удовольствием и порадует тебя, и согреет. А я, как и он, предпочитаю исключительно частные практические уроки, а не массовку.

– Что за... – хмурит брови мужчина, испепеляет меня темным взглядом и требует признания, как будто сам не догадывается. – И кто же этот человек?!

– Полагаю, тот же, – пожимаю плечами, – с кем ты всю неделю тренировался.

Джинн хмурится еще больше, в глазах непередаваемая смесь из эмоций, в которых хочется разобраться, но...

Так, это уже без меня. Не смотрю. Не смотрю на него.

Киваю знакомому незнакомцу, который приближается к нашему столику, и стремительно удаляюсь.

У двери останавливаюсь.

Очень хочется посмотреть напоследок, все-таки это наша последняя встреча. Но смех джинна буквально выталкивает меня из кафе.

Ну вот и все. Прощай, волшебство!

Глава № 10

Изольда Матвеевна чувствовала себя так волнующе, как будто это ее на свидание пригласили. И волосы уложила тщательней, и губы накрашила, и брюки выбрала приятного персикового оттенка – они так хорошо сочетались с белой блузой и ниткой жемчуга, которую много лет назад подарил ей супруг.

Но самое главное – она смахнула пыль и выставила в коридоре большую хрустальную вазу! Семейную реликвию, можно сказать! Эта ваза доставалась лишь по праздникам, а так хорошо себя чувствовала в безопасности за стеклом.

Одним словом, она подготовилась, а что толку?!

Внучку она увидела еще из окна, но списала отсутствие цветов на свое несовершенное зрение. А уж когда девочка вошла в квартиру с пустыми руками (продукты из супермаркета не считаются), сомнений никаких не осталось. Не было даже скромного букетика, который можно было бы спрятать за пазухой!

– Ба, ты что, генеральную уборку затеяла? – поинтересовалась Оля, увидев в прихожей вазу, потом окинула бабушку внимательным взглядом и все поняла. – Можешь прятать вазу обратно. Не пришел твой кавалер с идеальной прической.

– Но как же так?! – возмутилась Изольда Матвеевна.

– Откуда я знаю? – беспечно пожала плечами внучка. – Может, волосы долго укладывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.